

Кристофер Бьюлман

ТВОЯ ОШИБКА
МОЖЕТ СТАТЬ
ТВОИМ ГРАНДИОЗНЫМ
ПРИКЛЮЧЕНИЕМ

ВОР С ЧЕРНЫМ ЯЗЫКОМ

Вау! Это действительно нечто выдающееся.
Даже не могу выразить, насколько «Вор с черным языком» великолепен.

Глен Кук, автор «Черного Отряда»

Кристофер Бьюлман

Вор с черным языком

Серия «Звезды новой фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68686530

Вор с черным языком:
ISBN 978-5-389-21912-0

Аннотация

У Кинча На Шаннака, как и у любого представителя народа гальтов, черный язык. Еще подростком Кинч, чтобы его не отправили на войну, поступил в школу Гильдии Берущих, иначе говоря – воров, в которой постиг хитрые преступные ремесла и даже приобрел кое-какие магические навыки. Но за обучение необходимо расплатиться, поэтому Кинч сидит в засаде, чтобы ограбить первого же человека, который покажется на лесной дороге.

Вот только вовсе не безобидного путника предстоит ему встретить. Гальва – женщина-рыцарь, ветеран Гоблинских войн, превосходный боец. И у нее есть тайное оружие – корвид, огромная боевая птица, спрятанная в магической татуировке.

Победить эту женщину в схватке Кинчу не удастся. Зато у него появится шанс расчитаться с Гильдией, выполнив очень странное поручение. Гальва держит путь в далекое королевство Аустрим, на которое недавно напала армия великанов. Кинч

должен будет сопровождать ее, постаравшись втереться в доверие, – и ждать дальнейших распоряжений.

Впервые на русском!

Содержание

1	7
2	18
3	38
4	42
5	51
6	57
7	62
8	75
9	85
10	97
11	104
12	114
13	123
14	132
15	144
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Кристофер Бьюлман

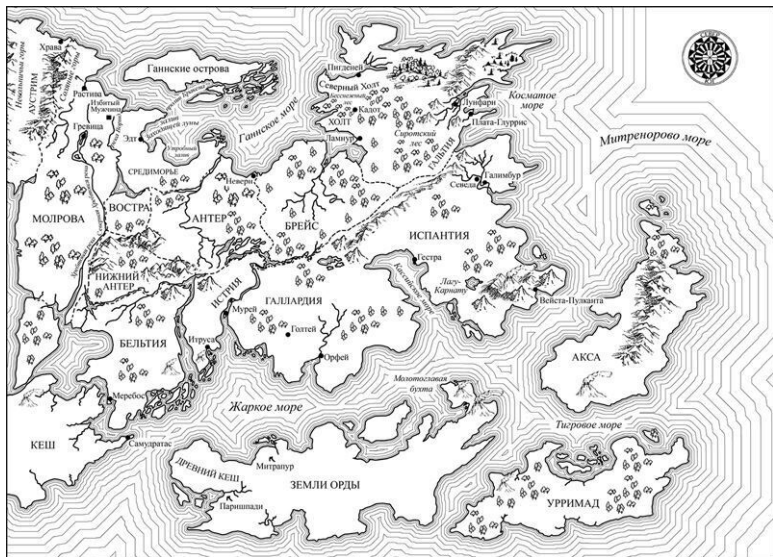
Вор с черным языком

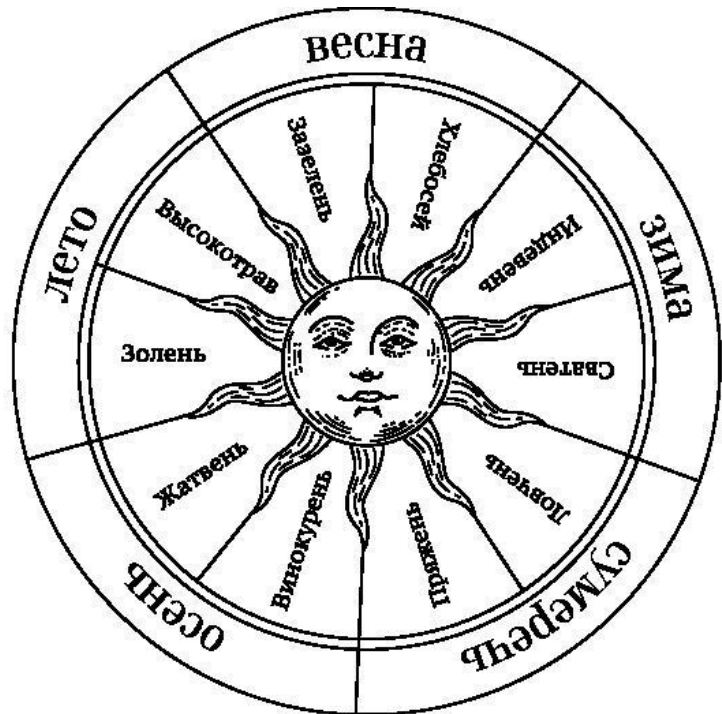
© С. Б. Удалин, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Посвящается Дженишфер – наконец-то, под этой и любой другой луной

Львов день	Хартов день	Узловой день	Кольцевой день	Каштаный день	Влохий день	Ягачий день	Фрулов день	Сатос день
1 	2	3	4	5	6	7	8	9
10 	11	12	13	14	15	16	17	18

1

Сиротский лес

Я должен был умереть.

Хуже того, я должен был умереть вместе с этими недоносками.

Не скажу, что боюсь смерти, но тут ведь важно окружение. Как не все равно, рядом с кем ты появился на свет. Если над твоей колыбелью склонились люди в красивых шелковых одеждах, тебя ожидает совсем иная жизнь, чем того, кто, впервые открыв глаза, увидел перед собой вонючего козла.

Я оглянулся на Паграна. Этот тип с вытянутой головой, длинной бородой и привычкой жевать, даже когда есть совсем нечего, и впрямь напоминал мерзкого козла. Раньше Пагран был простым крестьянином. А Фрелла, женщина в ржавой кольчуге, притаившаяся рядом с ним, была его женой.

Теперь они воры, но не такие умелые, как я. Меня учили вскрывать замки, лазить по стенам, смягчать падение, плести небылицы, чрево вещать, устраивать ловушки, а также избегать их. Я неплохо стреляю из лука, играю на скрипке и метая ножи. Знаю десяток-другой заклинаний – не великая магия, но и не бесполезная. К несчастью, я задолжал Гильдии Берущих столько денег за обучение, что очутился здесь,

в Сиротском лесу, с этими тупыми недоносками, мечтающими ограбить какого-нибудь путника. По старинке, припугнув смертью.

Удивительное дело, но разбойничать на большой дороге оказалось выгодно. Я провел в банде месяц, мы грабили плохо охраняемые фургоны, похищали отставших от хорошо охраняемых фургонов и даже продали мальчика одного из торговцев нечистым на руку солдатам, которых послали за нами в погоню. Убивать я не люблю, но готов выпустить стрелу-другую, чтобы не вляпаться в какую-нибудь срань. Так устроен мир. Я уже собрал больше половины суммы, которую должен уплатить Гильдии к месяцу жатвеню, чтобы мне не испортили татуировку. Спасибо, она и так выглядит не очень.

И вот я притаился в засаде, внимательно наблюдая за бредущей по Белому тракту одинокой фигурой. С первого взгляда на нашу будущую жертву у меня появилось дурное предчувствие. Дело даже не в том, что шла она так, как будто ей ничто не угрожало, и не в том, как раскричались вороны на деревьях. Я немного знаком с магией и сразу понял, что эта путница тоже с ней знакома. Не знаю, с какой именно, но меня словно бы озноб прошиб, как перед грозой, когда кажется, что искрится сам воздух. Что такого ценного может быть у этой женщины, чтобы добычу стоило делить на семь частей? Не говоря уж о том, что нашему вожаку причитается двойная доля, которая на деле обернется доброй половиной.

Я снова посмотрел на Паграна и покачал головой. Он выпучил на меня белки глаз. Они одни и выделялись на его лице, все остальное Пагран вымазал в грязи, оставив чистыми только кисти рук, чтобы удобнее было объясняться на пальцах. На Гоблинских войнах он усвоил солдатский язык знаков, но тот лишь отчасти походил на воровской, который я изучал в Низшей школе. А еще у него на руке не хватало двух пальцев, и это тоже не облегчало задачу. По его знакам я решил, что у меня прохудился кошель, и проверил, на месте ли монеты, но потом понял, что Пагран спрашивает, не потерял ли я свои яйца. Так он, стало быть, в храбрости моей сомневается?

Я кивнул на путницу и показал знак магии, но сомневаюсь, чтобы Пагран понял меня правильно. Он ответил, что магия у меня за спиной. По крайней мере, так мне показалось. На самом деле Пагран сказал, чтобы я засунул магию себе в задницу. Я отвернулся от вожака шайки недоносков, вместе с которыми должен был умереть, и снова посмотрел на женщину, которая нас убьет.

Вот чуяло мое сердце.

Только колдун мог отправиться в одиночестве через Сиротский лес по Белому тракту, даже в такой приятный и теплый день позднего лета, в месяце зольне. А если не колдун, тогда пьяница, чужеземец, самоубийца или какая-то дикая смесь и того, и другого, и третьего. Эта женщина больше по-

ходила на чужеземку. Оливковая кожа и густая копна черных волос. Четко выраженные скулы – наследие старой империи – не позволяли точно определить ее возраст. Молодая, наверное лет тридцати. Невысокая, но крепкая. Такой сонный взгляд вполне подошел бы убийце, да и одета она была как на войну. На спине висел круглый щит, шею прикрывал латный воротник, и, если я не обманулся в своих догадках, под рубахой она носила легкую кольчугу.

Ее меч был чуток короче моего. Скорее всего, спадин или яйцезерез, а это уже прямо выдавало в ней спантийку. Их рыцари считались лучшими конниками в мире в те времена, когда в мире еще не перевелись кони. Теперь эти ребята полагаются на древнее кешийское искусство щита и меча, известное под названием калар-байат. Ему начинают обучать с восьми лет. Угрожать спантийцам бесполезно: если мы нападём на нее, то скорее уьем, чем запугаем. Может, Пагран решит, что дело того не стоит? На ремне чужестранки висели мешочки с монетами, но стал бы Пагран рисковать только ради этого?

Не иначе он позарился на ее щит.

Спантийка подошла ближе, и я разглядел розоватый край щита над ее плечом, а это означало, что он из родникового дерева. Во время Гоблинских войн мы так усердно вырубали эти деревья, что их почти не осталось – только в Испании уцелели последние рощицы, растущие под бдительным взором самого короля. Любого пойманного там злоумышленни-

ка тут же вздернули бы на виселице, а злоумышленника с пилой сварили бы в кипятке. Родниковое дерево славится тем, что при правильной обработке и должном уходе его древесина останется живой после любого повреждения и сама себя излечит. И пока она живая, ее невозможно сжечь.

Конечно, Пагран захотел получить этот щит. Хотя я и надеялся, что он сложит ладонь чашечкой и опустит вниз, словно тушит свечу, все равно понимал, что вместо этого наш вожак качнет большим пальцем вперед, давая сигнал к атаке. Трое покрытых шрамами громил подобрались ближе к Паграну, а за моей спиной засуетились двое лучников – суеверный сопляк по имени Нерфас, хотя все мы называли его Нервяк, поцеловал висевший на шее замызганный лисий амулет, вырезанный из оленьей кости, а его бледная пучеглазая сестра зашуршала листьями. Мне совсем не нравилось, что эти двое поклоняются тем же богам, что и я, но они тоже были гальтами, рожденными с черными языками, отличавшими нас от всех прочих, а гальтские воры почитают Повелителя лис. Тут уж ничего не поделаешь.

Я вытащил стрелу с заостренным наконечником, с легкостью проскальзывающую между звеньями кольчуги, и наложил ее на тетиву.

Мы наблюдали за нашим командиром.

Он наблюдал за женщиной.

На деревьях заходились криком вороны.

Пагран качнул большим пальцем.

То, что случилось дальше, случилось очень быстро.

Я спустил тетиву первым, ощутив, как она перестала давить на пальцы и обожгла предплечье с внутренней стороны. Затем пришла согревающая душу уверенность, что выстрел был верным, – это трудно объяснить тем, кто сроду не держал лука в руках. Стрелы остальных со свистом погнались вслед за моей. Но цель уже сдвинулась с места – мгновенно присела, развернулась и как будто исчезла за щитом. И не важно, что щит был небольшим, – она сжалась за ним и сама сделалась еще меньше.

Две стрелы ударили в родниковое дерево и отскочили, а куда угодила моя, я не разглядел. Пришел черед Паграна и троих громил. Вожак поднял над головой глефу, напоминающую огромный кухонный нож на длинной палке, Фрелла поднесла палаш к самой шее, двое других, которых мы называли просто Пика и Топор, побежали за ними. Спантийке придется выпрямиться, чтобы встретить их атаку, и тогда я проткну ей колено стрелой.

Но вдруг все перемешалось.

Я заметил какое-то движение среди деревьев по ту сторону дороги и успел подумать сразу о трех вещах:

«Из леса вылетел ворон».

«Птицы на ветках перестали орать».

«Этот ворон что-то очень большой».

Огромная птица, размером с доброго оленя, опустилась

на дорогу.

Из моего горла вырвался невольный вздох.

Первая встреча с боевым корвидом – это что-то незабываемое.

Особенно если он дерется не на твоей стороне.

Птица дернула Пику за ногу, повалила на землю и ороговелым клювом растерзала ей всю спину. Я пришел в себя, перестал бессмысленно глазеть на расправу и подумал, что нужно бы пустить еще одну стрелу, но корвид уже накинулся на Топора, настоящее имя которого было Джаррил. Я говорю об этом вовсе не потому, что хорошо его знал, просто дальше с ним стряслось такое, что язык не поворачивается называть беднягу только по кличке.

Почувствовав, что корвид подбирается с фланга, Джаррил остановился и оглянулся. Но не успел он поднять топор, как птица клюнула его в то место, куда не захотел бы получить удар ни один мужчина. Тяжелый хауберк доходил ему до колен, но эти птицы способны пробить человеческий череп, и страшно даже подумать о том, что творилось у Джаррилла под кольчугой. Парню так досталось, что он рухнул на землю, не в силах даже закричать. А вот Фрелла – та орала во всю глотку. Посмотрев левее, я увидел, как над ней склонился окровавленный Пагран. Но думаю, это кровь Фреллы хлестала из чудовищной, от локтя да соска, рваной раны в подмышке с таким напором, что забрызгала их обоих, да еще и землю вокруг.

Когда спантййка повернулась в другую сторону, я успел взглянуть на ее меч, и это точно был спадин. Довольно острый для колющего удара и достаточно тяжелый для рубящего. Хороший клинок – может быть, лучший из всех коротких мечей. И спантййка знала, как с ним обращаться. Размытым пятном она метнулась за спину Фреллы и выбила палаш из ее руки.

Пика с разодранной в клочья спиной поднялась на четвереньки, словно ребенок, который только учится ходить. Рядом со мной Нервяк крикнул: «*Awain Baith!*» – птица смерти по-гальтски, выронил лук и драпанул со всех ног. Старшая сестра пустилась вслед за ним, и я остался единственным лучником в засаде за деревьями. Выстрелить в спантййку я не мог – она закрывалась от меня щитом даже в тот миг, когда отрубил Пике кисть чуть ниже запястья. Забавно, за какие мелочи порой цепляется наш разум, – приглядевшись к ее щиту, я заметил кованый стальной умбон в форме грозовой тучи с человеческим лицом, вроде тех, что изображают на краю карты.

Подобрав упавшую глефу, Пагран пытался отбиться от кружившего над ним корвида. Птица дважды клюнула в наконечник глефы, легко уклонившись от ответного выпада Паграна, и, кажется, вовсе не заметила моей стрелы, просвистевшей мимо, – эти существа движутся так непредсказуемо, что в них трудно попасть даже с двадцати шагов. Боевой корвид вцепился в наконечник глефы и дернул так, что Паграну

оставалось либо выпустить оружие, либо повернуться вместе с ним. Пагран повернулся, и в то же мгновение спантійка с быстротой и грацией пантеры бросилась к нему и полоснула мечом по ноге прямо над пяткой. Наш вожак упал и свернулся в стонущий клубок. Стычка на дороге закончилась.

Срань!

Я наложил на тетиву новую стрелу, и тут спантійка и птица посмотрели на меня.

Одного лука здесь точно не хватит. У меня на ремне висел отличный боевой нож; случись драка в какой-нибудь таверне, им можно было бы выпотрошить любого, но против кольчуги он бессилен. Жуткий рондельный кинжал на ремне за спиной кольчугу пробил бы, но против меча этой женщины, не говоря уже о проклятушей птице, толку от него не больше, чем от прутика.

Они приблизились.

Опередить спантійку я бы еще смог, но птицу – никогда.

Я слегка намочил штаны, но мне не стыдно в этом признаться.

– Стрелок, – сказала женщина со спантійским акцентом, сильно нажимая на звук «р». – Выходи и помоги своим друзьям.

На самом деле они не были моими друзьями, но это не означало, что их можно оставить ранеными и покалеченными на Белом тракте, и не уверен, что они этого заслуживали.

Спантййка вытащила мою стрелу из окровавленных складок в подмышке рубахи, сравнила с теми, что еще лежали у меня в колчане, и сказала:

– Хороший выстрел.

Потом вернула мне стрелу и угостила вином из бурдюка – добрым вином, густым и темным, вероятно из той же Испании. Морщась от боли, Пагран пытался подтянуть свое тело к ближайшему дереву и опереться о него. Выпить ему не предложили. Фрелле не хватило капли-другой пролитой крови, чтобы потерять сознание. Вина она также не получила, хотя и смотрела с надеждой на спантййку, пока я чулком приматывал шину к ее раненой руке. Угостили только меня – за точный выстрел. Самый верный способ заслужить уважение спантййца – это ранить его. Таковы они все.

Кстати, о раненых. Джаррил еще не пришел в себя, и это было только к лучшему – пусть пока полежит в отключке. Оставшийся при своих не станет будить просадившего все, особенно если тот еще слишком молод, чтобы осознавать, чего лишился. Пика подобрала отрубленную кисть и умчалась в лес, как будто знала поблизости мастерскую по пришиванию рук, которая вот-вот откроется. Куда улетела птица, я не понял, во всяком случае в тот момент. Казалось, она просто исчезла. Сама спантййка пошла дальше по дороге, словно с ней ничего особенного не случилось, кроме царапины и испачканной в крови рубахи. Но кое-что все-таки случилось.

Встреча со спантйской воительницей изменила мою судьбу.

«Пчела и монета»

Тащить Фреллу и Паграна обратно в лагерь – то еще удовольствие. Паграну я вернул его глефу – опираться на нее, как на костыль. А Фреллу пришлось целую милю волочить на себе. Могло случиться и хуже, но Фрелла, по счастью, была «тощей что твоя жердь», как говорили солдаты. Мои учителя из Низшей школы наверняка загнобили бы меня за помощь этим двоим. Ясно же, что после расправы на Белом тракте нашей не очень-то славной банде придет конец, а сбегавшим лучникам, братцу с сестренкой, плевать на остальных. Они приберут к рукам все, что у нас еще осталось, и отправятся на поиски новых приключений.

А оставались у меня только скрипка, отличный шлем, который я рассчитывал продать, и фляга гальтского виски. Я не сильно переживал из-за шлема, да и огненной воды едва хватило бы, чтобы промочить горло, но скрипка кое-что для меня значила. И рад бы сказать, что она досталась мне от деда или что-нибудь еще в том же духе, но мой дед был угрюмым шахтером и мог сыграть только на собственной заднице после миски бобов с капустой. Эту скрипку я украл. Свалил вместе с ней, пока мой приятель доказывал музыкантам в трактире, что они не попадают в тональность. Между на-

ми говоря, они попадали, но, черт меня побери, скрипка была чертовски хороша. Настолько, что я заплатил приятелю половину ее стоимости и не стал продавать. А теперь она, скорее всего, потеряна. Эти двое засранцев убежали с ней так далеко, что я вряд ли успею их догнать, прежде чем они сбегут ее за бесценок.

Кадот был первым городком к западу от Сиротского леса и последним в собственно Холте, до того как попадаешь в еще более мрачные леса и просторные плоскогорья Холта северного. О размерах таких поселений можно судить по тому, сколько там стоит храмов, посвященных разным богам, и по величине этих храмов. К примеру, в деревне с единственной улицей, таким же одиноким трактиром, а на деле – просто задворками дома какого-то здешнего толстопуза и одним полудохлым волком, на котором по очереди вспахивает землю вся община, наверняка найдется церковь Всебога. Без крыши, с бревнами вместо сидений перед алтарем с сальными свечами и нишей, в которой по праздникам устанавливают статуэтки других богов – смотря по тому, чей это будет праздник. Вырезают эти статуэтки из ясеня или орешника, наделяя богинь пышной грудью, а богам оставляя безобидные катышки. Исключением является Харос, которому даруют причиндалы матерого самца-оленя, потому что всем известно, как ретиво он трахает луну и той приходится прятаться за холмами, чтобы немного передохнуть.

Селения чуть покрупней, где есть даже девки, не занятые одновременно пивоварением и штопкой рубах, должны иметь не только церковь Всебога с соломенной крышей и бронзовым диском, вставленным в свинцовый или чугуновый квадрат. Там отыщется и настоящий храм для поклонения какому-нибудь местнотимому богу, который, по мнению прихожан, меньше других гадит на воздетые к нему, исполненные надежды лица.

Кадот был таким большим, каким только может стать городок, прежде чем его признают городом. Подходящий центр торговли на подходящем перекрестке дорог, он имел церковь Всебога, увенчанную бронзовым солнцем, высоченную башню Хароса с деревянными рогами на крыше, а также с десяток храмов других божеств, рассыпанных по всей округе. Бросалось в глаза лишь отсутствие Митренора, бога моря, никого особенно не заботившего во внутренних землях, а также Запретного бога – по вполне понятным причинам.

В городке таких размеров обязательно найдется и Дом Вешателя, как называют резиденцию Гильдии Берущих. Туда мне и предстояло направиться, чтобы обсудить долг перед Гильдией. Мои похождения с маленькой, но свирепой и напористой шайкой Паграна все лето складывались неплохо, пока эта спантййка со своим вороном-убийцей не надрали нам задницу. Но теперь Нервяк и Снежные Щечки – братец и сестренка, что были нашими лучниками, но удрали, как

только в заварушку ввязалась боевая птица, – обчистили меня до нитки. Мне нужны были деньги – срочно нужны, – и для начала стоило бы сыграть пару партий в «Башни».

Я знал, что найду партнеров для игры в «Пчеле и монете», потому что именно так назывались две карты в колоде для «Башен», вместе с самими «башнями», «королями» и «королевами», «солдатами», «лучниками», «саперами», «смертью», «предателями» и, конечно же, «ворами», которые изображались в виде хватающей руки.

Не все в этой таверне были заядлыми картежниками. Кучка пастухов и огородников, верных своим угрюмым богам, заняли крайний столик и тихо рассуждали о дожде и долгоносиках. Ни разу не стиранные шерстяные куртки утеплял десятилетний слой пролитой на одежду и растертой рукавом мясной похлебки. Двое молодых наемников возле стойки носили на ремне короткие медные кубки вроде тех, в которые игроки в «Башни» складывали монеты. Несмотря на свои мечи, парни опасливо косились на троицу сурового вида женщин постарше возрастом, что стучали «башнями» по изъеденному червями столу.

Я тоже их опасался, но мне необходимо было сыграть.

– Вам, случайно, не нужен четвертый? – спросил я, обращаясь в первую очередь к лысой убийце, тасующей колоду.

Женщина посмотрела на мою татуировку, за которую имела полное право отвесить мне оплеуху, но, похоже, это ее не сильно прельщало. Обе ее партнерши тоже предпочли бы

вернуться к увлекательной игре, а не наливать пивом, но ни одна из них не объявила ставку.

Лысая кивнула на пустой стул, куда я и пристроил задницу.

– Ламнурская колода или мурейская? – поинтересовался я.

– А хрен ли самому не догадаться?

– Точно, ламнурская.

Аристократы и иже с ними обычно пользовались мурейской колодой с более затейливыми рисунками. Но люди с перманентной грязью на воротниках играли колодой Ламнура с более простыми изображениями, двумя «дамами» вместо трех, без карты «врача», которая спасет вас, если вы вытянете «смерть». Сам я предпочитал мурейскую колоду, но ничего не имел и против другой.

– Тогда плати, – сказала лысая.

Я выгреб из кошелька несколько монет для начальной ставки.

Шлеп-шлеп!

Она сдала карты.

Я выиграл два первых турнирных круга и сбросил карты на третьем, чтобы меня не приняли за жулика, но в четвертом боевом круге на кону стоял слишком жирный куш, и его никак нельзя было упустить. Бледнокожая блондинка со шрамом в форме рыболовного крючка круто подняла ставку, полагая, что с последним «королем» в колоде она непо-

бедима. Но я зашел с «предателя», подстрелил «лучником» «королеву», которая могла перехватить «предателя», забрал «короля» и выиграл. Опять. Очень много выиграл.

– Хрена ты тут устроил, слизняк? – спросила лысая, пропустив слово «какого», совсем как холтйский уличный громила.

Не очень приятно, когда тебя называют слизняком, но я ведь только что разорил ее.

– Просто повезло, – ничуть не солгав, ответил я.

Подробнее о везении расскажу как-нибудь потом.

Она долго раздумывала, пришить меня или надавать по морде, но в конце концов решила просто вышвырнуть.

– Пшел на хрен из-за стола, – сказала она, что, собственно, мне и было нужно.

Я смахнул выигрыш в подол рубахи, потом ссыпал монеты в кошель на ремне и с улыбкой удалился, провожаемый рядом предположений о моем отце, ни одно из которых, надеюсь, не было справедливым.

Они бы с радостью прихлопнули меня, но игра так захватила их, что было ясно: эти трое просидят за столом как приклеенные до тех пор, пока две из них не останутся без гроша, а потом того и гляди еще и передерутся между собой. Стоит ли удивляться, что жрецы многих богов так рьяно выступают против игры: она погубила больше народа, чем Алфавит-убийца. Чуть было не сказал: «больше, чем гоблины», но это слишком грубое преувеличение даже для меня.

Я двинулся к стойке, и там, сразу за крупным парнем с впечатляющим сложением, стояла, облокотившись на грубо обструганную столешницу, не кто иная, как та спантййка, что встретилаась мне на дороге. Мы обменялись неловкими кивками. Единственное свободное место у стойки было рядом с ней, но его внезапно занял какой-то мальчик для утех с нарочито ярко подведенными глазами. Эти глаза с явным одобрением разглядывали птичью воительницу. Она была по-своему красива – черноволосая, с глазами цвета моря, но я никак не мог решить, вредит ли ей такой сонный вид, или же, наоборот, отяжелевшие веки придают особое очарование. Мужчины любят хорошеньких женщин, но не таких безразличных ко всему на свете. Нам нравятся счастливые, или грустные, или сердитые девушки со смазливими мордашками. Вы же знаете, как это бывает. Так вот, спантййка была милашкой. Но если бы ей надо было улыбнуться, чтобы потушить пожар, то половина города точно бы сгорела. Кажалось, она в упор не замечала пылкогo продажногo петушка рядом с собой, сосредоточившись на вине и глядя вдаль. Чем-то озабоченная девушка с хорошей фигурой. Парни от таких без ума.

Я отыскал себе другое место.

Гальтская арфистка, не лишенная таланта, пела «Косматое море». Эта песня полюбилась всем после того, как погнбло столько мужчнн, что слова «сильная половина человечества» стали звучать как-то неловко. В последние двадцать

лет предпочитали говорить «часть».

Голос у арфистки был неплохой, поэтому никто не бросал в нее пустые бутылки.

У моря Косматого утром погожим
Стояла я на берегу.
А там кто-то плыл, скорее похожий
На рыцаря, чем на слугу.

И мне бы уйти, но меня он, как видно,
К себе, словно сетью, тянул.
А я была так молода и невинна,
Что храбро шагнула в волну.

Греховным девичьим мечтаньям в угодую
Плыла я за ним по пятам,
Потом с головою нырнула под воду,
И что ж я увидела там?

А там у него – кто подумать бы мог —
Один только хвост и совсем нету ног.
Спросила я: «Братец, ты не из людей?»
«Я не из людей, но совсем не злодей.

Хоть сверху на вашего брата похож,
Но я отпущу тебя снова на сушу.
Ты в море Косматом себе не найдешь
Ни женской улады, ни милого мужа».

Так глупую юную дочь человечью
Учил уму-разуму мудрый тритон:
«Ступай же обратно легко и беспечно.
Там много парней, и с ногами притом».

Когда же поток поучений иссяк,
Я вышла на берег с сознанием ошибки,
Ведь можно найти целый косяк
Взамен так обидно сорвавшейся рыбки.

В награду арфистке набросали горстку монет в шапку и совсем уж вяло похлопали, хотя и я старался как мог. Потом она забрала арфу и отправилась в следующую таверну, надеясь найти там более благодарных слушателей.

Я заметил в углу продавщицу заклинаний из Гильдии магов – женщину с густо напудренным лицом. Она сжала три пальца левой руки в знак верности Гильдии и зажгла свечу из пчелиного воска, обмотанную прядью волос, в знак того, что готова начать торговлю. Не прошло и минуты, как к ней подошла девушка в одежде из грубой шерсти, сунула в руку монетку и зашептала в ухо ведьмы свои пожелания.

Я едва успел пригубить заказанный эль, как ко мне с дальней стороны стойки уже направился неприятного вида малец в воощеных кожаных штанах, не сводя глаз с татуировки на моей правой щеке. На ней была изображена раскрытая ладонь с несколькими рунами. Разглядеть ее могли только в свете огня, когда она становилась светло-бурой, не слишком

бросаясь в глаза, как выцветшая хна. А могли и вовсе не заметить. К несчастью, этот парень заметил.

– Это ведь Ладонь должника, дэ-а?

Он так и сказал: «дэ-а», на северохолтийский манер. Похоже, все здесь были родом из Северного Холта, а значит, до границы провинции не так уж и далеко.

Признать татуировку я был обязан, а вот любезничать при этом – нет.

– Дэ-а, – протянул я ровно настолько, чтобы малый не смог определить, насмехаюсь я над ним или сам такая же деревенщина, как и он.

– Хозяйка, ты это видела?

– Видела, – не оборачиваясь, ответила она, стоя на табурете и пытаясь достать с верхней полки спантийское вино.

– Кто-нибудь уже требовал награду Гильдии? – спросил деревенщина.

– Не-а, – сказала хозяйка таверны, еще одна северянка. – Сегодня никто.

Парень в кожаных штанах оценивающе посмотрел на меня. Я выпрямился, чтобы он получше рассмотрел клинок у меня на ремне. Добротный клинок, колющий и рубящий одновременно. Для драки на ножах – самое то. Я дал ему имя Пальтра – «лепесток» по-гальтски, а тот кинжал, что был спрятан на ремне за спиной, назывался Ангна, или «гвоздь». На ножнах Пальтры были нашиты две крохотные розы. Однако вряд ли Кожаные Штаны увидит что-то еще, кроме но-

жен и рукояти. Мне отрубили бы большой палец, если бы я обнажил клинок против того, кто захочет выдать мне оплеуху от имени Гильдии. А если дело дойдет до крови, меня пырнут туда же, куда я пырнул его.

Но знал ли закон этот клатак?

– Тогда я требую награду. Должник, именем Гильдии Берущих ты должен подчиниться.

Да, он это знал.

Парень оглянулся на одну из двух подружек, с которыми он терся носами, а потом, не отводя от нее взгляда, размахнулся и хлестнул меня по щеке. Конечно, было больно, особенно из-за того, что он слегка порезал мне губу своим кольцом. Но оплеуха – это пустяк по сравнению с тем чувством, когда какой-то болван бьет тебе по щеке, а ты не можешь ответить. Мне не разрешалось ответить даже словами, пока он не заговорит первым.

Хозяйка налила мальцу полпинты пива за счет Гильдии с изрядным количеством пены, как бы давая понять, что она думает о сопляке, выставившем северян трусами, готовыми ударить того, кто не может отблагодарить в ответ. Деревенщина выпил, выбелив пеной почти безусую верхнюю губу, и утерся рукавом.

– Настоящий мужик должен платить долги, – заявил он с убежденностью двадцатилетнего молокососа, скорее себе самому, чем окружающим.

Но мне большего и не требовалось. Не стоило ему разго-

варивать со мной после того, что случилось. Теперь я мог ответить.

– А еще у настоящего мужика должны быть мозоли на руках, – сказал я, – а ты как будто одолжил свои у ребенка.

Похоже, он удивился, услышав мой ответ, но постарался скрыть это. Поднял кружку, словно бы показывая, что получил все, чего хотел, и ему наплевать, что я там говорю. Но ему было не наплевать, точно. Кто-то уже хихикал над моими словами, и смех задел его, тем более что его цыпочки все слышали. Я хорошо знал эту породу. У семьи наверняка водились какие-то деньги, но он оказался таким засранцем, что бросил постоянный двор, или лавку, или какое-то другое дело, из-за которого его мать истоптала себе все ноги, – а все лишь потому, что терпеть не мог, когда ему указывают. Должно быть, он отыскал дорогу в подложную школу Гильдии, нахватался там дешевых фокусов и совсем уже вообразил себя настоящим вором, но получил под зад еще до того, как увяз в долгах. Прошло немало времени, одежда его провоняла насквозь, и все-таки он пока не заложил своего последнего кольца. Еще одна тяжелая неделя – и парень мог бы стать мальчиком для утех или наемником, но не был достаточно милостивым и смысленным для первого или сильным для второго.

Я чуть было не пожалел его, но все еще чувствовал, как саднит щека от оплеухи этого недоноска, и поэтому сказал:

– Раз уж тут замешана Гильдия, можешь ударить меня

еще раз. Должно быть, тебе очень обидно потратить первую попытку впустую, не причинив мне никакого вреда. Правда ведь, клатак подзаборный?

Между прочим, «клатак» означает «понос», если вдруг вы никогда не бывали в Гальтии или Северном Холте. Бывает, что хочешь сказать одно, а получается совсем другое, к большому твоему стыду и расстройству. Вот почему гальт никогда не скажет «глоток виски». Мы произносим «глоток» и «клатак» почти одинаково, но никто из нас не брезгует виски настолько, чтобы сравнить его с жидким дерьмом.

Посетители таверны – в основном пастухи и крестьянки, не привыкшие прощать слабость, – зашумели. Малец не мог допустить, чтобы последнее слово осталось за мной, и решил отплатить мне парой своих, пока кран еще течет. Будь он поумней, то первым делом отослал бы девиц на ближайший сеновал дожидаться, когда наступит время обменяться таракашками, что ползают между ног. Но умным он не был.

– Я и не собирался причинять тебе вред, мне просто хотелось пива. Но раз уж так, сейчас ты у меня прикусишь свой сраный язык, гальтский нап.

Спантййка открыла зубами бутылку, налила себе немного вина и с выжидающим любопытством приподняла бровь. Должно быть, она не знала, что «нап» означает «сосок», а то слово, которое собирался сказать я, – милый пучок волос в одном интересном месте.

– Сомневаюсь, что у тебя получится, спрам, – ответил я. –

Когда стояк мешает отлить, и то бывает больней, чем от твоих ударов. Вот оно мое лицо, можешь попробовать. Сделай еще одну попытку, пока твои сестрички не сообразили, что сели не за тот стол.

Я коснулся черным языком кончика своего носа и подмигнул.

Это подействовало.

Он рванулся через весь трактир и махнул кулаком, целясь мне в челюсть. Я пригнулся и выставил вперед плечо, принимая на него всю силу удара. Не буду утомлять пересказом всей потасовки, скажу только, что сначала он молотил по мне своими кошачьими лапками, а кончилось все тем, что мы боролись на полу и я сжимал его голову, потом руку и снова голову. От мальчика разило застарелым потом, как будто его кожа когда-то покрылась плесенью и с тех пор ее так и не отмыли. Хозяйка таверны сначала приговаривала: «Эй, эй!» и «Хватит, хватит!», а потом разогнала нас рукоятью цепа, который висел над бронзовым зеркалом, должно быть, с тех самых пор, когда она расчесывала им волосы гоблинов на Войне дочерей.

Я поднялся, прижимая ладонь к разбитой губе, и выглядел, вероятно, еще хуже, чем Кожаные Штаны. Тот откинул волосы назад с гордостью молодого петушка. Но раз уж он начал первым и вообще вел себя как последний козел, хозяйка подтолкнула его к двери. По пути он забрал своих цыпочек и, уходя, сказал: «Привет Гильдии!» – таким мерзким

тоном, что теперь я уже не сомневался, что Берущие его разжевали и выплюнули.

– Жаль, что ты не допил свое пиво, – бросил я ему в спину.

Потом оглянулся туда, где стояла спантййка, но она скрылась во время заварушки. Этой женщине нужно было куда-то попасть. И она не хотела, чтобы ее узнали. Интригующе. Любовничек с подведенными глазами посмотрел на меня с рассеянным безразличием, как на пробегающую мимо собаку. Я подмигнул ему. Он фыркнул и отвернулся, чего я на самом деле и добивался, потому что мне нужно было кое-что выплюнуть изо рта и спрятать в кошель.

Кольцо Кожаных Штанов.

Гоблинское серебро.

Вероятно, самая ценная вещь, что у него оставалась.

Ради этого стоило стерпеть несколько скользких ударов, к которым я был полностью готов. Я как следует ущипнул его за палец, когда стаскивал кольцо, чтобы ему казалось, будто оно все еще на месте. И если мне повезет, он не заметит потери раньше, чем завалится на сеновал.

И мне повезло.

Очень сильно повезло.

Я во многом самый обычный человек. Чуть ниже ростом, чем большинство, но такими уж гальты рождаются. Худой, как бездомная собака. Задницы нету и в помине, и потому мне требуется ремень, чтобы удержать штаны к северу от

расщелины. Неплохой скрипач, как уже было сказано, и никто не станет хватать меня за горло, если мне вздумается что-нибудь сыграть, но и на свадьбу тоже не позовут. Кое-что я делаю хреново. Не умею сдерживать смех, когда вижу что-то забавное, к примеру. Плохо складываю числа в уме, работаю в поле, поднимаю тяжести. Но воровство – к нему у меня талант. Отчасти просто дар и готовность не упустить удачу. Везение – один из двух моих врожденных талантов. О втором расскажу позже.

Везение существует, а тот, кто это отрицает, просто хочет приписать все заслуги себе. Везение – это река. Я чувствую, когда попадаю в нее, и когда выхожу – тоже. Задумайтесь на минутку. Люди часто пытаются сделать что-то сложное и необычное, слабо представляя, получится или нет. Со мной не так. Если я чувствую, как в груди засияло внутреннее солнце везения, то уже не сомневаюсь, что сумею украсть у женщины кошель и найду там бриллиант или три золотых «льва». Смогу перепрыгнуть на соседнюю крышу, и черепица под ногами не обвалится. А когда тасую колоду карт, точно знаю, что завалю других игроков «пчелами» и «саперами», а может быть, их даже пару раз посетит старушка-«смерть».

Азартные игры пробуждают везение, но надолго его не удержишь. Можно выиграть круг-другой или пару раз удачно бросить кости, пока тебе не захотят перерезать горло. Хуже того, промотав везение за игорным столом, можно остать-

ся без него, когда оно особенно понадобится. Почувствовав холод иссякающего везения, я понимаю, что дальше придется идти по скользкому льду, рискуя сломать копчик. И опускаю голову, потому что могу ненароком встретить человека, чье доверие обманул годом раньше, или девушку, которую когда-то бросил.

Это везение привело меня вместо подложной школы в настоящую. Обычно в Гильдию принимают всех парней и девушек, но только три из девяти Низших школ настоящие. В подложных учат самым основам – вскрывать замки, забираться на стены, драться на ножах. Но ничему более сложному – ни заклинаниям, ни умению находить ловушки и разговаривать с животными, ни мошенничеству и запутыванию следов. Просто муштра. Ты выходишь из школы сильным, быстрым, выносливым, с кое-какими навыками и по уши в долгах. Если сумеешь расплатиться с долгами – тем лучше для тебя. Если нет – подписываешь договор. Под рукой у Гильдии тысячи костоломов, проституток и чернорабочих. Она может нагнать толпу, которая обнесет целый город, а потом рассеется, не дожидаясь копейщиков местного барона.

Но я попал в настоящую школу.

По крайней мере, я так думаю.

Но все равно задолжал целую прорву.

Вот, читайте сами:

Досточтимый наш Кинч На Шаннак, студент третьего курса естественного обучения и первого курса магического,

должник.

С великой неохотой и немалым разочарованием мы, казначеи Пигденейской академии редких искусств, верные присяге Гильдии Берущих, извещаем тебя, что тяжкая плоть твоих долгов переросла непрочную оболочку твоей готовности эти долги отрабатывать, каковой оболочке угрожает опасность лопнуть.

Поскольку в последние четыре сезона обучения твои платежи не превышали двух скачков за каждый, при таких вялых успехах ты не сможешь погасить задолженность в восемьдесят пять золотых скачков, одну золотую «королеву», одного серебряного «рыцаря» и три серебряных «слуги» (плюс проценты) за ближайшие шестнадцать лет. Нет нужды беспокоить наших актуариев, чтобы высчитать, что этот срок превышает вероятную продолжительность твоей жизни и ожидаемый период твоей полезности в работе. Лишь по настоятельной просьбе одного из твоих бывших мастеров мы сочли, что ценность твоего пребывания в живом и невредимом виде выше ценности предостерегающего наказания на глазах у всех прочих или твоей гибели, также доведенной до всеобщего сведения.

Посему тебе предписывается под страхом отрубания большого пальца явиться в ближайшее официальное представительство Гильдии для разбирательства и обсуждения, наиболее вероятным результатом которого станет заключение с тобой договора более высокого уровня. Наши

источники помещают тебя в окрестности Белого тракта и предполагают, что ближайший к тебе Дом Гильдии может находиться в Кадоте. Разумеется, своевременный, сразу по прибытии, платеж в размере:

*двух золотых «львов» и пяти серебряных «совят»,
или*

одного золотого «разгрома», двух золотых «королев» и одного серебряного шиллинга,

поспособствует более радушному течению разговора и уверит нас в твоих добрых намерениях и готовности выполнить обязательства. Нет нужды напоминать, что навыки, полученные в наших стенах, позволяют большинству студентов отыскать достаточное для очистки своего честного имени количество денег за семь лет праздности или три года упорного труда и везения и что наше снисхождение, обременившее тебя лишь меткой раскрытой ладони, не сможет продолжаться вечно без неких похвальных действий с твоей стороны.

*С искренней (пока еще) заботой о тебе,
смиренные казначеи твоих мастеров редких и завидных искусств, самолично.*

Писано в первый Люнов день месяца зольня 1233 года.

Сегодня восемнадцатое, почти середина зольня. Жатвень наступит скоро, а вместе с ним и срок уплаты.

Кольцо вонючки – неплохое начало, но придется еще что-нибудь украсть в Кадоте.

А еще мне понадобится скупщик.

3

Говнюк меченый

– Гоблинское серебро, что ли? – спросила пожилая торговка, хмуро разглядывая в лупу кольцо вонючки.

Хотя и без лупы было понятно, что здесь потрудился мот гоблина. Отраженный от гоблинского серебра свет дает странный зеленоватый оттенок, и кое-кто считает, что даже золото меркнет перед такой неземной красотой. То есть это я так считаю.

Не менее эффектно фонарь торговли высвечивал и мою татуировку с раскрытой ладонью.

– А ты, я вижу, на плохом счету у Берущих. Тебе нужна работа?

На самом деле она вовсе не собиралась меня нанимать. Просто хотела выяснить, насколько я голоден. Старуха не принимала товар у тех, кого плохо знает.

– Работа у меня есть, но все равно спасибо.

– Было бы за что.

Именно так я и думал.

– Тогда на кого же ты работаешь? На Кобба?

– Десять шиллингов, – назвал я цену. – И буду благодарен тебе за каждого «совенка».

Она рассмеялась, показав желтые пеньки, которые можно

было принять за зубы лишь при большом желании.

– «Совята» найдутся, только десяти ты не получишь. Больше похоже на шесть.

– Мы оба знаем, что кольцо стоит пятнадцать, и ты сама продашь его за одну золотую «королеву» и одну золотую «девку». Фокус в том, что я буду набавлять по шиллингу каждый раз, когда ты предложишь меньше, чем я запросил. И теперь я хочу одиннадцать. Но если ты желаешь отдать за него двенадцать, то предложи мне семь.

– Ишь чего выдумал, говнюк меченый!

– Я не беру денег за откровенность, мне нравится говорить начистоту. Но если ты хочешь получить этот зеленоватый кусочек серебра, дай мне одиннадцать, и желательно...

– «Совятами». Я это уже слышала, мелкий...

– Назови меня еще раз говнюком – и будет двенадцать. Мне просто лень с тобой препираться.

Она захлопнула свою коробочку с пеньками и прищурилась на меня.

Сквозь щели в потолочных досках послышался храп.

Старуха перестала щуриться.

– Да, я знаю, он должен был выследить меня и обнять покрепче где-нибудь в темном переулке, если ты прикажешь. Но пока ты тарасилась на мое кольцо, я произнес сонное заклинание. Маленькая магия. Воровская магия. На смышленного парня она бы не подействовала, но твой приятель, судя по звукам, слишком налегает на пиво и немного растянул

рубашку на пузе. У толстяков особый хrap.

Словно подтверждая мои слова, храпящий запнулся, умолк, а потом затрубил с новой силой.

– Я дам тебе девять, лишь бы не слышать больше твоего восточного говора, гальтский говнюк.

– Тринадцать, потому что ты сбросила цену и повторилась.

Она дернулась, словно хотела оттолкнуть меня, но тут же села на место.

– Десять, и это сущий грабеж.

– Четырнадцать. А если ты и дальше будешь тянуть волюнку, я, пожалуй, послушаю, что мне скажут об этом кольце в лавке рядом с колокольной, на улице Оперенного Лука. Той самой, с пауком на вывеске. Кобб, ты сказала? Твой конкурент, да? И бывший любовник в те времена, когда вас обоих еще интересовало, чем люди писают. Просто ты произнесла его имя с этакой кисловатой теплотой. Но раз уж ты меня до сих пор не выставила, значит отдашь и пятнадцать, как я сказал с самого начала. Но если будешь благоразумной, я возьму только четырнадцать, потому что немного сентиментален, а ты похожа на ту вонючую старуху, которая когда-то лишила меня невинности.

Тяжелейшим усилием воли она закрыла рот, отсчитала четырнадцать шиллингов, без единого «совенка», подтолкнула ко мне и засунула кольцо в карман. Я опустил монеты в кошель, гадая, неужели она так и позволит мне уйти без своего

напутствия.

Она не позволила.

Зашипела на меня, словно урримадская змея из корзины:

– Можешь считать себя умником, но для меня ты просто мерзкий черноязыкий вор, и никем другим никогда не станешь.

Я поклонился с елейной улыбкой и отшагнул, спасаясь от струйки слюны, просочившейся сквозь смотровую щель в потолке.

Едва я закрыл дверь, что-то со звоном разбилось об нее.

До дрожи люблю вот так торговаться.

А потом я отправился в Гильдию Берущих, чтобы выяснить, много ли тщательно отмеренной доброжелательности смогу у них выкупить.

4

Дом Вешателя

– Как твое лицо?

Я сидел за столом в Доме Вешателя. Здание стояло на самом виду, неподалеку от городских ворот. Это был самый простой официальный способ обратиться в Гильдию Берущих. Разумеется, Гильдия часто оказывается там, где никто и не подумает ее искать, но и там, где должна быть, она тоже есть. И это говорит о том, как мало она опасается графов и баронов, бросая вызов даже королям. Нет такой короны, которую нельзя сбить с головы ударом ножа в темноте.

Я обратил внимание на квадратную деревянную вывеску с висельником, вцепившимся в свою петлю. Знатная вывеска, с инкрустацией из древесины различных цветов и рамкой из сусального золота. К свободной руке висельника прибит золотой ливр, но никто не дерзнул бы украсть его. Галлардский «лев», между прочим. Я уже говорил, как они мне нравятся?

Поразительно хорошенькая девушка сидела напротив меня, внимательно изучая мою учетную книгу из овечьего пергамента. На вид ей было около девятнадцати, но волосы у меня на загривке зашевелились, подсказывая, что она владеет магией и может оказаться старше той злобной карги, что

недавно поскупилась на «совят».

– Ни одна оплеуха не смогла стереть это, так что грех жаловаться.

Возможно, хрупкая улыбка девушки стала на волосок шире, а может быть, и нет. За ее спиной лениво опиралась на стойку другая женщина, адептка-ассасин, без единой унции лишнего жира. Все ее мышцы легко можно было пересчитать под плотной и эластичной шелковой одеждой. Казалось, она просто отдыхала после долгого дня, и никто не принял бы сейчас эту женщину за олицетворение угрозы. Трудно было на нее не уставиться. Зачерненные шея, щеки и предплечья говорили о том, что она от макушки до ступней покрыта темными символами, помогающими ей исчезать без следа, пить яд, плевать ядом. В Низшей школе я видел одного адепта, который умел летать. По-настоящему летать. Возможно, их в мире всего сотня. Или две, кто знает? Я спохватился и перестал читать знаки на коже адептки, пока никто не поймал меня за этим занятием. Интересно, что означает татуировка с часами у нее на груди?

Фальшивая малолетка сверила печать на моих документах по разложенной перед ней огромной книге и написала на каждом листе: «1Р 1К 14Ш». Она провела привязанной к запястью монетой-свидетелем над одним «разгромом», одной золотой «королевой» и четырнадцатью шиллингами, лежавшими на столе, потом сложила их в кожаный мешочек и перебрала адептке. Та переправила мешок через стойку, а

сама, видимо, спустилась по лестнице, хотя с тем же успехом могла невидимкой подняться выше.

– Останешься на ночь, Шутник? – спросила якобы молодая девушка, теперь уже точно улыбаясь чуть шире.

Шутник – младший воровской ранг, но все же это настоящий вор, не то что Пугало. Я стал Шутником еще в Низшей школе в Пигденее. Если я выплачу долги, окончу еще один курс обучения и – или – совершу две-три громкие кражи, меня повысят до Хитреца. А если снова выделюсь из всей нечестной компании, то смогу заслужить звание Фавна. У Фавнов из мифов олени ноги, и поймать их не так-то просто. Неплохо звучит, правда? Поэтичность – одна из сильных сторон Гильдии, с ней ты чувствуешь себя частью не просто неодолимой, но и невероятно хитроумной силы.

Большинство лучших воров соглашаются остаться Фавнами, потому что высший ранг – удел аскетов и полубезумцев.

Вора высшей ступени называют Голод. Он дает обет ни за что не платить. А поскольку Голод не может украсть сам, ему приносят другие. Даже утратив с годами бывшее проворство, Голоды оправдывают свое высокое звание, придумывая новые аферы и натаскивая молодых и здоровых. Мне довелось учиться у двух-трех Голодов.

Женщина за столом еще не закрыла книгу.

– Здесь сказано, что ты предпочитаешь высоких девушек. Это правда? – Она вытянула ноги и опустила взгляд с моего лица туда, где мы с ней были бы на равных; приятное, но

неловкое ощущение заставило меня скрестить ноги. – Сегодня новолуние. Благоприятный день для первой случки. Одна золотая «королева» – и я твоя на всю ночь.

– Если бы ты знала, что мне пришлось сделать, чтобы раздобыть эти деньги.

– Если бы ты знал, что я могу сделать, чтобы ты позабыл об этом.

– А кто присмотрит за лавочкой? То есть пока я буду сокрушать твое чрево и покорять твое сердце.

– Я отошлю всех. И ее тоже.

Она кивнула на другую женщину, уже в годах, но все еще привлекательную, что появилась за стойкой. Приглядевшись, я понял, что это та же самая девушка, что сидит напротив меня, только двадцатью годами старше. И значит, она не простая секретарша или шлюха, а скорее Тревога (инспектор высокого ранга), получающая указания прямо от Вопросы (то есть заместника). Мои щеки разгорелись от злобно бурлящей зависти. Не знаю, как она этого добилась – почкованием, зеркальным отражением или каким-то изгибом времени, но я никогда не смогу овладеть магией такой силы.

– Никогда, – повторил я вслух.

– Что – никогда?

Она коснулась языком уголка губ.

– Я никогда не избавлюсь от этой татуировки, если не...

Я замолчал, глядя на то место, где только что был ее язык, и наслаждаясь слабым звоном любовного заклинания, кото-

рое она для меня приготовила.

– Не заплатишь семье? – шевельнулись ее губы.

– Точно.

– А что, если я скажу, что у меня есть для тебя работа?

– Я отвечу: продолжай говорить, пока я вижу движение твоих губ.

– У меня есть работа для тебя.

Я не успел и рта раскрыть, как она приложила монету-свидетеля к моему лбу, вкладывая мне в голову магические видения.

И я увидел.

Я был той девушкой, что приложила монету-свидетеля к моему лбу.

Я бежал в холоде заката, оглядываясь назад.

Кто-то крикнул мне: «Не оборачивайся!» Кричали погански, на языке Аустрима, которого я, вообще-то, не знаю.

Я увидел разрушенную двухцветную каменную башню. Опрокинутая гигантская статуя лежала на земле лицом вниз. Королевские гвардейцы наставили крылатые наконечники пик на тень, проступавшую из облака пыли. Не поддаваясь страху, они отходили назад в строгом порядке. Стучали огромные барабаны, ревели диковинные рога, и все вокруг что-то кричали. В воздух взлетали камни и стрелы. Бараний рог печально протрубил отступление.

За руинами башни показались новые темные силуэты, толстые как бочки, в два человеческих роста каждый. В ру-

ках они держали топоры с бронзовыми наконечниками размером с детские гробики и пращи, способные метать камни, которые не под силу поднять взрослому мужчине. Некоторые несли вместо дубинок целые стволы деревьев. Один швырнул такое дерево в строй алебардистов, и оно завертелось в полете, калеча и убивая всех без разбора. Остатки королевской гвардии разбежались.

Чья-то рука вцепилась мне в плечо и развернула. Женщина с большим изумрудом в золотом ожерелье, дыша мне в лицо винными парами, велела бежать, просто бежать. Где-то вдалеке кричал ребенок. Все вдруг потемнело, и вот я уже стоял на каменистом холме, наблюдая в последних отблесках заката, как маленькие фигурки сплошным потоком покидают разрушенный город, а другой поток вливается в него. Черные столбы дыма поднимались в небо, отражаясь в спокойной воде озера или залива. Над полем боя, прямо за брешью в западной стене, кружили вороны и чайки. Мне было холодно.

Потом я стоял у зеркала в мерцающих отблесках свечи и видел отражение светловолосой девушки с прижатой к голове монетой-свидетелем. Кровь от пореза стекала по лбу. На мне было ожерелье с изумрудом. Я знал, что на боку у меня висит кинжал, которым я хорошо умел пользоваться, очень хорошо. Я назвал свое имя, хотя оно не было моим, и цвет волос изменился на каштановый. Я сказал по-ганнски, что выплатил долг. Потом посмотрел на татуированную розу на

щеке, едва заметную в тусклом свете, и произнес: «Уберите с меня это». Повторил еще раз, с пустыми глазами, и все опять погрузилось в темноту.

Насколько я знал, видения монеты-свидетеля не бывают лживыми. Это была могущественная магия. Я увидел то, чего мир людей не знал более семисот лет, – нападение армии великанов. Даже один великан – зрелище жуткое, но говорят, что они живут небольшими кланами за Невольничьими горами, доят гигантских горных коров и угнетают маленькие племена, по собственной глупости забравшиеся так далеко на запад. Редко кому посчастливилось видеть пять или десять великанов сразу. Но чтобы они собрались в таком количестве, перевалили через опасные горы, снесли городские стены, перебили стражу и заставили беззащитных жителей искать спасения в окрестных холмах... для ныне живущего поколения это что-то неслыханное.

Неужели мы тридцать лет сражались с кусачими только для того, чтобы нас растоптали великаны? Конечно, их тень накроет Холт и восточные королевства еще не скоро. От Хравы, столицы Аустрима, добираться до нас восемь недель верхом на осле или в воловьей упряжке или месяц плыть по морю. Шесть королевств лежит между Холтом и Аустримом. Но сколько всего великанов? Чего они хотят? Смогут ли королевства остановить их, или придется отступать и отступать на запад до самого Митренорова моря?

Женщина из Гильдии прервала мои грезы, забрав монету и не слишком любезно ущипнув меня.

– Мы убеждены, что некая спантйка, с которой ты повстречался на Белом тракте, направляется в Аустрим, вероятно в Храву. Ты пойдешь с ней. Заслужи ее доверие, если получится... А если нет, незаметно следуй за ней и жди новых распоряжений. Нападение великанов на это королевство приведет в движение очень важные шестеренки, и Гильдия хотела бы выяснить, как они будут крутиться. Подробностей задания тебе пока лучше не знать; если потребуется объяснить, зачем ты туда идешь, скажи, что должен забрать магические амулеты из хранилища короля Аустрима, в том числе древко Кешийской стрелы, Кольцо падающей кошки и Твердокаменное ожерелье.

– И для чего оно? Чтобы у старика стоял как у молодого?

– Нет, но мне нравится направление твоих мыслей.

Она коснулась языком верхних зубов, и я опять долго не мог оторвать взгляд от ее губ.

– Время не на твоей стороне, Кинч, – сказала она. – Спантйка и сама не будет мешкать, но поторопи ее, если сможешь, и не задерживай по своей прихоти, иначе ты заплатишь не только монетой. Сегодня девятнадцатое зольня, и луна явила нам черный лик, который так любят все дети ночи. Постарайся попасть в Храву к первому винокурню, спустя две яркие луны, хотя только богам известно, что случится к тому сроку с павшим городом.

– Твои разговоры о лунах разгорячили мою кровь, – сказал я. – Как насчет половины золотой «королевы»? За полночи.

На этот раз она улыбнулась мне гнилыми зубами, еще хуже, чем у той ростовщицы.

– Ты получишь то, за что заплатишь.

Я стрелой выскочил на улицу.

Лис, бегущий рядом

– Ты идешь в Аустрим?

Я выследил спантйку в таверне «Чалая лошадь» – прелестной деревянной «огненной ловушке» из тех, что так любят путешественники, желающие опорожнить свои кошельки. Вопрос был не по существу, потому что я сидел в кресле напротив ее кровати, а она только что проснулась.

С быстротой летней молнии спантйка схватила меня за ногу и подвесила вниз головой за окном, которое я сам же и открыл. Она не знала, что, перед тем как заговорить с ней, я уже осмотрел ее скудные житейские блага. Ванны в комнате не было, только таз с мутной водой, в котором мочла льняная одежда со свежим пятном крови от моей стрелы. Щит стоял у стены. Обнаженный спадин лежал возле кровати – похожий на ганнский меч, только более изящный. Крепкое клиновидное лезвие, чуть короче двух футов, с утолщением в слабой части, долом и зловещим острием, напоминающим осколок стекла. С какой легкостью она проткнула бы мне сердце, стоило мне неосторожно выдохнуть, склоняясь над ней!

Но в каждой профессии свои острые ощущения.

Заглянуть в ее кошельки было плевым делом. Во всяком

случае, в те, что висели на ремне. Монет у спантййки оказалось маловато для дальнего странствия. Я не взял ни одной. Она бы наверняка заметила пропажу, а я хотел, чтобы спантйика была на моей стороне. И все равно это далось мне нелегко. У меня болезненная страсть к деньгам, не имеющая ничего общего с наживой. Они мне просто нравятся – на вид, на ощупь, на запах. Надеюсь, наступит день, когда я накоплю столько монет, что смогу просто перебирать их, не испытывая необходимости тратить.

У нее было спантййское серебро – три «лотоса», две «королевские головы» с изображением его длинноволосого усачества короля Калита, а также холтййские шиллинги, несколько медяков и целый галлардийский «лев», равный по достоинству всем прочим, вместе взятым. Я понюхал его, провел ногтем по гурту и даже положил в рот, наслаждаясь привкусом. Это было настоящее золото. Не беспокойтесь, я вытер монету о свою рубаху, перед тем как вернуть на место, но продолжал любоваться ею. Мне нравится, что лев на ней как будто улыбается. И нравятся три меча острием вверх и лежащий плашмя кинжал на реверсе.

Галлардийцы знают толк в деньгах, лучшая чеканка на всем востоке, почти как в Древнем Кеше до Тряса. Моя любимая монета – галлардийский «совенок». Она даже не золотая, обычное серебро. Но тот, кто вырезал штамп, должно быть, очень любил сов. Не отличишь от настоящей, так и кажется, что маленькая негодница сейчас заушает. И дерево

с полумесяцем на обратной стороне. Не люблю тратить «со-
вят», но иногда приходится, мне вечно не хватает денег.

Что было в заплечной сумке, так и осталось тайной, спан-
тийка на ней спала.

Сумка не казалась тяжелой, совсем немного монет, если
это были монеты. Возможно, банковские векселя, или дра-
гоценности, или еще что-то легкое, но никогда не угадаешь,
что лежит в мешке, который охраняют заботливей всего.
Мне приходилось срезать кошелю с прядью конской гривы,
мешочком песка и молочными зубами. Самой странной мо-
ей добычей было высушенное сердце, почти наверняка че-
ловеческое. Хорошо, что этот урод не поймал меня.

Хотя меня еще никто не поймал.

Так, где я остановился? Ах да, за окном, головой вниз. Не
думайте, что спантийка держала меня за щиколотку одной
рукой, словно какой-нибудь полукровка с Невольничьих гор.
Нет, она едва справлялась двумя руками, упиравшись локтями
в подоконник. Я не сопротивлялся, просто скрестил руки на
груди. Приятно, когда кровь приливает к голове.

– Ты собралась в Аустрим? – снова спросил я. – И куда
подевалась твоя птица?

– Попробуй только еще раз вякнуть про птицу!

– Отлично. Тогда как тебя зовут?

– Тебе это ни к чему.

– Хорошо. Но все-таки ты идешь в Аустрим?

– Ты вор из Гильдии. Тебя обучали магии. Если я тебя

отпусти, тебе это не сильно навредит?

– А если я скажу «нет», ты придумаешь другой способ навредить мне?

– Может быть.

– Тогда я скажу «да», мне будет очень больно. Прошу тебя, храбрый рыцарь: не бросай меня тыквой о землю.

Она отпустила мою ногу, но я не держу на нее зла.

Это был всего лишь третий этаж.

Притормозив падение, цепляясь за стены, я приземлился на ноги и перекатился через бок. Потом быстро вскарабкался назад. Спантйика уже держала меч наготове, но не возле моего лица. Поняла, что я мог убить ее спящей. Она вовсе не была беспечной и крепко закрыла окно, просто меня очень трудно не впустить. А убить еще трудней. Если вы говорите по-гальтски и помните мое имя, то уже, наверное, догадались об этом.

На нашем черном-перченом языке «кинч» означает петлю или аркан. Еще так можно назвать сложную или неожиданную проблему, какой я, несомненно, и стал для моей матери, появившись на свет всего через три месяца после свадьбы родителей. Подозреваю, что выражение «неожиданная проблема» описывает всех гальтов в целом, – во всяком случае, такими мы оказались для завоевателей из Холта. Понадобилось пятьдесят лет, чтобы покорить нашу страну, а потом еще три столетия холтийцы жалели об этом. Мы, чернорыжие, плохо слушаемся приказов и ни на кого сами не

нападаем, но на своей земле устроим ад любому. Гальты – прирожденные лучники и без промаха мечут в гнилые тыквы все, от камней до копий. Мы отличные музыканты и наездниками были тоже неплохими, когда по нашим равнинам еще бегали лошади.

Разумеется, это все было до прихода гоблинов.

Говорят, что гальты с их чуть заостренными ушами и мелкими костями – это все, что осталось от эльфов. У меня медно-коричневые волосы, даже рыжие при ярком свете, а борода, насколько мне удалось ее отрастить, ближе к имбирной. Не скажу, что вопрос с эльфами решен окончательно, – большинство университетских недоумков говорит «нет», некоторые сомневаются, зато в каждой деревне возле торфяных болот рассказывают легенды про то, как один огородник вытащил из воды похожее на человека крохотное существо с болотно-черной кожей, острыми ушами и драгоценностями невиданной красоты. Правда, никто сам этого не видел, да и драгоценности каждый раз либо пропадали, либо их продавали.

Но что я могу знать? Только свое имя.

– Меня зовут Кинч, Кинч На Шаннак, или Дранный Кинч, если угодно. Мне не впервой слышать такое.

Она фыркнула.

Я сидел на подоконнике, скрестив ноги, и не сводил с нее убийственных для женщин зеленых глаз. Мне говорили, что они светятся, как нефриты с далекого запада.

– Не пойти ли нам на запад вместе?

Она задумчиво посмотрела на меня:

– И зачем ты мне нужен?

– Скорее, зачем мы нужны друг другу.

– Ну так расскажи.

– Я буду стоять на страже, пока ты спишь. И спать, когда сторожить будешь ты. Я буду лгать тебе, когда от этого ничего не изменится, и лгать ради тебя, когда это необходимо. Я позабочусь о том, чтобы петушки с зудящим гребешком держались от тебя подальше и чтобы тебе доставалась лучшая бочка с вином. Ты никогда больше не встретишь дверь, куда не сможешь войти, и стену, за которую не сумеешь заглянуть. Когда тебе придется сражаться, я позабочусь, чтобы ты заранее знала, откуда появятся враги, и сам разберусь с теми, кто послабее. Не обещаю быть твоим псом, но если ты сама наполовину волчица, как я считаю, то найдешь для себя лиса, бегущего рядом.

– Спроси меня еще раз завтра утром, – сказала она и легла спать, повернувшись ко мне спиной.

Понапрасну испорченная слива

На следующий день в Кадот прибыли юные гонцы в желтых туниках Гильдии скороходов. Барон едва успел взломать печать на письме, а его глашатаи уже стояли на приступках по всему городу, выкрикивая спешно изданные указы. У той чтицы, с которой столкнулся я, были легкие редкой вместимости. Выдыхая, она напоминала пышущего огнем дракона.

– Слушайте! Слушайте! Справедливый и беспристрастный барон Ансельм Кадотский и его августейшее величество король Конмарр Холтийский получили весть из страны, именуемой Аустрим! На них напали самым предательским образом! Вражеское войско пришло из-за Невольничьих гор!

От ее зычного голоса звенели оконные стекла и тряслись каменные стены, рот она открывала так широко, что видны были даже задние зубы.

– Столица Храва пала! Есть опасения, что король погиб! Купец из Молровы, лично известный господину барону, отправил гонца прошлой ночью! Он уверяет, что Стена из вольей кости, ограждающая с востока его королевство от Аустрима, не потемнела! И никогда не будет разрушена!

– Это были гоблины? – спросила женщина с резким антерским акцентом.

Она носила традиционную для антерок длинную телогрейку, прикрывающую такое же традиционное брюхо. Иностранное подданство не спасло женщину от правосудия барона, глашатай жезлом указала на нее двум стражникам, которых зеваки прежде не замечали. Стражники подбежали к антерке и трясли ее до тех пор, пока не выдавили из ее кошелька половину всего серебра. Никому не дозволено прерывать оглашение указа, по крайней мере в Кадоте.

Все знали, что мир людей заканчивается у Невольничьих гор и те, кто движется на восток, людьми быть не могли. Хотя гоблины живут не на западе и уж тем более не на севере. В Аустриме слишком холодно, а в горах и того холоднее. Гоблинам не нравится снег, – по крайней мере, мне так рассказывали. Они пришли из Земель Орды, огромного острова на юге, за Жарким морем, известного также как Старый Кеш.

Туда мы их и отогнали.

На какое-то время.

Зеваки на площади не видели суровой правды, показанной мне монетой-свидетелем. Они еще не поняли, что на восток хлынули великаны. Но некоторые уже догадывались, да и остальные скоро все узнают.

– Барон верен королю Конмарру и не сомневается, что вы все верны ему, от мала до велика. Нет на свете людей, преданнее кадотцев! И храбрей тоже нет! Во имя сокола Кадота! *Harralah!*

Толпа взревела. Глашатай с приступкой в руке поспеши-

ла к следующей площади. Стражники трусцой припустили следом. Помятая антерка, держась за кольцо давно уже не используемого коновязного камня, осторожно пыталась рыгнуть, опасаясь выпустить что-нибудь более весомое.

И тут толпа заговорила.

Я уловил лишь отдельные фразы.

– На мой вкус, это слишком похоже на новую заварушку.

– Думаешь, объявят призыв?

– Меня с малолетства учили стрелять из лука. Если не для этого, тогда для чего?

– Девочка, тебе и сейчас лет немного, мудрый человек не станет так болтать языком. Никто бы не учил тебя стрелять, если бы гоблины не перебили всех парней на Войне молодильщиков двадцать лет назад. Сотни тысяч оставили тогда поля и мастерские, чтобы задавить числом кусачих, как называли гоблинов. И все они пали в траву и песок, в грязь и на камни. Или заболели в лагерях и вернулись назад с кашлем, а то и с чем-то пострашней.

– Но потом женщины ушли на Войну дочерей и показали себя лучше.

– Не лучше и не хуже. На Войне дочерей у нас были птицы. И обучение. И мужчины тоже сражались.

– Мне не нужно обучение. Я пробью стрелой подброшенную сливу.

– И лишь покажешь, насколько ты слаба, раз уж готова понапрасну портить сливы.

Старик был прав. Во время Войны молотильщиков не хватало рук собирать урожай, и почти весь мир людей страдал от голода. Нам в Гальтии приходилось не так туго, мы ловили дичь в лесах и рыбу в реке.

– Я убью гоблина, – бахвалилась девушка.

– Так говорили и мужчины, и все отправились кормить червей.

– Это не гоблины, – сказал другой старик.

– Не-а, это хуже.

– Хуже не бывает.

– Бывает.

– Как это? – спросила девушка.

– На гоблина ты смотришь сверху вниз, а те, из-за Невольничьих гор, смотрят сверху вниз на тебя.

Это сказал пожилой одноногий крестьянин с подколотой пустой штаниной. На руке, державшей костыль, не хватало двух пальцев. Уж он-то убивал гоблинов, а они кусали его.

Но я направлялся не к гоблинам, и это странным образом успокаивало.

Любой слизняк, никогда не видевший живого гоблина, знал, что они варили зелье, которое вызвало мор и погубило наших лошадей. Вторая война с гоблинами, Война молотильщиков, была такой жестокой, что теперь редко встретишь мужчину возрастом от тридцати до шестидесяти. А Война дочерей превратила в солдат так много женщин, что нынче едва ли отыщешь детей от восьми до пятнадцати лет.

Спору нет, великаны внушали ужас, но люди и гоблины были просто созданы для того, чтобы убивать друг друга.

Обрученная с Костлявой

Около полудня я сидел один в «Олене и тихом барабане», благопристойной таверне с покосившимися каменными стенами, которые подпирали балки из белой сосны. Чудесней всего было то, что хозяйка, изо всех сил заботясь о сохранении внешнего вида таверны, редко заглядывала на чердак, куда сваливала всяческий ненужный хлам. Среди этого кавардака я устроил себе постель, после того как простился со спантейкой.

Посчитав здешние комнаты слишком большой роскошью – не из-за обстановки, а из-за скудости моего кошелька, я пролез в дом через высокое окно, отыскал лестницу и поднялся на чердак. Меня бесконечно забавляло раз за разом спускаться из тайного убежища и снова заходить в таверну с улицы, чтобы купить кружечку пива. Я уже изрядно хлебнул и сидел в глубокой задумчивости. Как всегда в таких случаях, взгляд мой сделался рассеянным, а вид – слегка простоватым. Временами я дышал через рот. Мне даже подавали милостыню, когда я устраивал такое на улице. В Низшей школе меня пытались отучить от этих привычек, но в конце концов сдались. Один мастер считал их проявлением недюжинного ума, другой – признаком явного идиотизма. Первый, досто-

почтенный маг, любил меня за способности к языкам, второй же, ассасин-душитель, презирал мой приветливый нрав и «легкость», с какой я «готов пойти на смерть».

Каждому не угодишь.

Так я и сидел, уставившись в пустоту, чуть ли не пуская слюни, когда стены таверны затряслись от гальтской песни на старохолтийском. В ней пелось про волшебного кота по имени Обормот, но не стоило объяснять посетителям, что там, откуда я родом, с помощью этой глупой песенки гальтских детей учили говорить на языке завоевателей.

Ни один гальт, выросший из коротких штанишек, не станет ее петь. Однако здесь, в Холте, каждый недоумок с пивной пеной в бороде, едва услышав мелодию, начинает горланить те куплеты этой песни, что сумел запомнить. Хотя надо признать, что припев очень подходит для пьяного рева.

Ну а я думал о великанах.

Я уже говорил, что родился в Гальтии, самом восточном из трех королевств Холта.

Точнее говоря, в Плата-Глуррисе, что означает «сверкающая река» на языке гальтов, первых правителей Холта. Только настоящая сверкающая река находится под землей и состоит из серебра.

Мой папаша добывал серебро, и отец моего лучшего друга тоже, пока гоблины не убили его на Войне дочерей в 1222 году, когда мне было двенадцать. Папаша вернулся домой, но с тех пор не произносил больше одной фразы подряд, да и

то редко. Правда, я только год с небольшим наблюдал за тем, как он мучается, и в четырнадцать лет отправился в Низшую школу, но сомневаюсь, чтобы папаша заметил мой уход. Я никогда не работал на рудниках и, если позволят боги, не буду. Люди вкалывают как проклятые во тьме под прекрасными холмами восемь из девяти дней недели, а в выходной, Сатов день, отправляются в церковь и поют там гимны. Потом наливаются хмельным темным пивом до тумана в голове, и ни мужья, ни жены уже не вспоминают о том, что нужно вовремя прерваться, отчего и продолжает пополняться братство людей.

Какого бога прославлял мой отец? Нет, не исконных гальтских богов: Хароса с головой оленя или Фотаннона с лисьей мордой. И не Митренора – древнего холтийского повелителя моря. Нет, отец поклонялся Всебогу в виде бронзового диска на деревянном квадрате либо – в очень богатых семьях – золотого диска на железном или свинцовом квадрате.

Всебог, он же Сат, он же Отец-Солнце, – официальное божество трех королевств Холта. На мой взгляд, это бог уступок и серости, угодный знати проповедью смирения и упорного труда за ничтожную плату, которой едва хватает, чтобы не умереть с голода.

У придумавшего это божество простака не было никакого воображения, он просто вышел на улицу и обожествил первое, что попало ему на глаза. То ли дело лохматые гальт-

ские боги-кровосмесители. А тем более Запретный бог, иначе зовущийся Перевернутым богом. Но о нем в пределах мира людей лучше не говорить, если не хочешь, чтобы тебе подрезали язык. Ходят слухи, что Перевернутый – истинный бог Гильдии Берущих, но лишь внутренний круг обладающих властью посвящен в эту тайну.

Возможно, этот бог и был настоящим, раз люди на него так обозлились, но Всебог – это полная срань. Таким богам молятся, чтобы вода была мокрой, а огонь – горячим или о том, чтобы он не допустил великанов в твою страну, где их не встречали тысячу лет. Он хорош для простых случаев. Я никогда не видел великанов в Холте, только чучело, которое косолапый Блот возил на двух сцепленных телегах в своем «Караване жутких диковин», беря по медяку за просмотр.

Песня в таверне загремела во всю мощь. Вы когда-нибудь замечали, с каким удовольствием пьяные вытягивают последнюю гласную? Как будто соревнуются, у кого крепче дышалка. Вот и холтийские болваны из Кадота увлеченно мяукали, сравнившись в умственном развитии с пятилетними детьми из Плата-Глурриса:

Кошечка бежит опять,
Мяу, мяу, Обормот, мяу!
Котю своего искать,
Мяу, мяу, Обормот, мя-а-а-у-у-у!

Хотя кто я такой, чтобы судить об их умственном развитии? Беженцы рекой текут из растоптанного великанами Аустрима, а я собрался туда идти.

Передо мной возникла расплывчатая фигура. Это была моя спантийка. Я рассказал ей, где остановился.

– Хозяйка! – крикнула она через плечо и указала на меня. Женщина у стойки покачала головой.

– Ты пьян, – сказала спантийка.

– Нет, – ответил я.

Вторая по популярности ложь, какую можно услышать в тавернах.

И тут спантийка вlepила мне оплеуху прямо по татуировке. От души вlepила.

Пивоварова жена

Отвечает, что она

Отрубила коте хвост, —

С визгом убежал прохвост.

Мяу, мяу, Обормот, мя-а-а-а-у-у-у!

Я уже открыл рот, но вовремя вспомнил, что мне не разрешается первым заговаривать с ней. Спантийка дождалась, когда мой рот закрылся.

– Извини, но, судя по твоему виду, тебе не помешала бы оплеуха. А мне не помешало бы выпить.

– Ах ты, дочь...

– Если ты хоть слово скажешь о моей матери, придется

пустить тебе кровь.

– Засранка! Вонючая, выпендренная спантийская засранка!

– Так сойдет.

Она взъерошила мне волосы, как несносному мальчишке, и я это стерпел.

– Меня зовут Гальва, – сказала она, подошла к стойке и взяла стакан с красным вином.

Начался следующий куплет, а мне требовалось выпустить пар, сделать хоть что-нибудь, и я тоже запел.

Заорал как безумный:

– Мяу, мяу, Обормот, мяу!

Она села рядом со мной, и за час с небольшим я кое-что узнал о женщине с отличным щитом, быстрым мечом и птицей-убийцей.

– А все-таки кто ты такая? – спросил я. – Ты сказала, Гальва? А дальше как?

– Гальва.

– Так.

– Полное мое имя тебе знать ни к чему.

– Очень загадочно. Ты такая известная личность?

– Каждый человек кому-то известен.

– Значит, да?

Я ждал, что еще она скажет, но спантийка лишь смотрела на меня поверх стакана с вином, словно ожидала продолже-

ния от меня. И я продолжил:

– Чем ты известна, Гальва-спантййка? Ты знаменитая убийца?

– Ты не видел, чтобы я кого-то убила.

Тут она была права.

– У тебя был удобный момент, чтобы начать. Почему ты не убила их, остальных грабителей? А меня? Ты – Гальва Милосердная?

– В этот раз.

– Ты покалечила этих, чтобы задержать других. Они тебя больше беспокоили.

Она чуть приподняла стакан, словно приветствуя мое великое озарение.

– Ты дерешься лучше всех, кого я видел. Не так уж много людей я хотел бы в трудную минуту иметь на своей стороне больше, чем тебя. И этого огромного, злобного, великолепного корвида. Куда он, кстати, делся?

– Не он, а она. И не спрашивай меня о птице.

– Я знаю, что они не вполне законны.

Я вытащил колоду «башен» и перетасовал ее, чтобы чем-то занять руки.

– Не вполне? – повторила Гальва. – На севере нет ни одного королевства, где тебя не казнили бы за боевую птицу.

– Я в этих указах плохо разбираюсь. Нарушения закона – не моя область. А что бы с тобой за нее сделали в Испании?

Она посмотрела мне в глаза, отпила из стакана и только

потом ответила:

– Вытащили бы крюком кишки и скормили стервятникам.

– Подходяще.

– У нашего любимого короля Калита настоящий талант палача.

– Здесь, в Холте, все проще. Не удивлюсь, если тебя просто повесят.

– Нет. Здесь подвешивают за ноги и распиливают пополам.

Она сделала вид, будто работает пилой, придерживая свободной левой рукой лодыжку невидимой жертвы. Любопытно, как висел этот воображаемый холтиец – лицом к ней или наоборот?

– Мне казалось, это только за измену, – сказал я. – И за кровосмешение. Мы не одобряем его со времен правления Тамрина Бесшеего.

– Ты ведь знаешь, что сделали с корвидами?

– Нет, не знаю. Думаю, их держат в больших клетках в Испантии и Галлардии.

– Именно так все и должны думать. Но на самом деле птиц перебили. Семь тысяч корвидов. Мудрый и внушающий трепет король Калит решил, что в таком количестве птицы станут слишком опасны. Поэтому он на глазах у тех, кто научился любить их и доверять им в бою, накормил корвидов отравленным мясом и сжег трупы. Вот как он обошелся с птицами, которые помогли нам прогнать гоблинов. Лишь

немногие из нас воспротивились этому. А некоторые скрылись на время, чтобы спрятать пернатых друзей в безопасном месте, а потом объявили, что они умерли.

– Где же можно спрятать такое чудище? Они же слишком бросаются в глаза.

Гальва ничего не ответила.

Я начал раздавать карты на двоих, но она оттолкнула их от себя, и мне пришлось сложить колоду и убрать в карман.

– Как зовут твоего корвида?

– Далгата.

– Что это означает?

– Костлявая.

– Это ведь ваша богиня смерти, верно? Что-то вроде скелета с крыльями и прекрасными волосами, да?

Она посмотрела так, словно рисовала что-то взглядом у меня на затылке. Водилась за ней такая привычка.

– Она и ваша богиня тоже.

– Мне больше нравятся пухленькие.

– Не важно, что тебе нравится. В этом танце дама выбирает кавалера.

Возразить на это было особо нечего, и мы долго сидели молча, пока она снова не заговорила:

– Ты сказал, что я лучший боец из всех, кого ты видел, но тебе просто не встречались настоящие бойцы. А у меня есть кое-какой опыт.

– Гоблинские войны?

– Да.

– Орфей?

– Нет, Голтей.

Я едва сдержал дрожь. В битве при Голтее мы потерпели последнее крупное поражение. Эта битва случилась девять лет назад, в 1224 году. Ее еще называют Королевской погибелью. Каждый слышал это название, каждый знает кого-нибудь, кто туда отправился. И очень немногие знают тех, кто вернулся.

– Было так хреново, как рассказывают?

Я тут же пожалел об этом вопросе. Но нельзя запихнуть слова обратно в рот.

– Нет, – ответила она с жутким спокойствием. – Все равно что собирать цветы в поле. Было так чудесно, что большинство моих друзей и два брата решили там остаться.

Трудно сказать, злость это была или сарказм или обрученным с Костлявой не положено плохо говорить о смерти.

Она отвернулась. Я невольно принялся изучать ее шрамы – не похожи ли они на укусы, но прервал это занятие, как только она снова бросила взгляд на меня.

– Теперь моя очередь, – сказала она. – Расскажи про Гильдию воров.

– Берущих.

– Стоит ли того подготовка, которую тебе дают? Это ведь так устроено, правильно? Из тебя делают вора или убийцу...

– Вора, в моем случае.

– Не смей меня перебивать!

– Извини.

– Не смей извиняться!

Я открыл было рот и снова закрыл.

– Из тебя делают вора, а потом ты должен выплачивать долг до конца жизни, и каждый может дать тебе оплеуху за стакан вина.

– Обычно пива. Только спантийцы и галлардийцы любят красить язык в фиолетовый цвет. И не до конца жизни, если только не умрешь слишком быстро. А раскрытой ладонью метят только тех, кто просрочил выплату.

– Хороший стимул.

– И с каждым днем становится все убедительней.

– Они заставляют что-то для них сделать?

– Это один из способов расплатиться. Особый контракт.

– Хуже, чем нападать на путников из засады?

– Надеюсь, не хуже, чем напасть на тебя.

– Тогда почему бы и не согласиться? И выплатить долг.

– Забавно, что это сказала ты. Я только что говорил с ними. И подписал контракт. Меня послали на запад.

– В Аустрим.

Я кивнул:

– Точнее говоря, в Храву. Скорее всего. Но да, в Аустрим.

– И что ты должен сделать?

– Я обязан сейчас солгать тебе. Давай сделаем вид, что так все и было.

– Нет, лучше солги.

– Отлично. Мне приказали украсть там кое-какие магические амулеты.

– Замечательно. А я разыскиваю пропавшую принцессу.

– Превосходно.

– Еще бы!

– Может быть, я помогу ее найти.

– Может быть, я буду тебе благодарна.

– Отлично.

– Замечательно.

Она отпила немного вина.

– И отвечая на твой вопрос: да, оно того стоило. Гильдия Берущих. Низшая школа.

– Что ты умеешь?

– Необыкновенные вещи.

– Я слышала, некоторые из вас могут говорить с животными. А ты?

Она чуть приподняла темные брови.

– Говорить по-звериному. Это совсем другое. Мы просто имитируем крики животных.

– Что? Просто «ав-ав», как собачка?

Для начала я изобразил скулящую собаку, а потом перешел на вполне правдоподобное рычание.

– *Bolnu*, – сказала она, словно бы взвешивая на ладони что-то невидимое, но приятное. – Это магия?

– Нет, просто регулярные упражнения.

– А как у тебя насчет магии?

– Не очень.

– У меня тоже не очень.

– Не думаю, что та птичка вылетела у тебя из задницы. –

(Она снова пригубила вино и серьезно посмотрела на меня.) – Это была бы очень темная магия, – сказал я. – (Она прищурилась, ожидая продолжения, но не питая особых надежд.) – Но не черная. – (Она по-прежнему молчала.) – Коричневая, – закончил я.

Какое-то время спантейка обдумывала слова «коричневая магия», выискивая в них другой смысл, кроме глупого подросткового анекдота. Так ничего и не найдя, она прикрыла глаза и разочарованно покачала головой.

Далеко не в последний раз.

8

Обормот

Галва сказала мне, что у нее есть планы насчет нас и что на рассвете я должен встретиться с ней у башни Хароса. К несчастью, меня арестовали уже через час после того, как я вышел из «Оленя и тихого барабана».

Но моей вины здесь не было.

Первым делом я закинул лук и мешок на чердак и двинулся налегке к городской площади, где глашатай недавно возвещал о приходе великанов в Аустрим. Теперь здесь кричали другие зазывалы. Приехала труппа лицедеев в фургоне, увешанном колокольчиками, потрепанными флагами и грязными лентами из краденого шелка. Один борт фургона опустили и закрепили на стойках, устроив что-то вроде маленькой сцены на высоте в ярд над землей. Надпись на фургоне гласила: ДАМЫ ИЗ ЛАМНУРА; и похоже, в этой компании в самом деле не было ни одного мужчины.

Вокруг собралось несколько десятков зрителей, но только треть из них расселась на выставленных скамейках, остальные же держались поодаль, на случай если представление им наскучит и они захотят уйти. Легче добычи и не придумаешь.

Труппа представляла пьесу «Коронация». Бывают такие

короткие комедии, не больше чем на час, которые не только веселят, но и позволяют узнать имена чужеземных королей и королев. Чужеземцы служат удобной мишенью для шуток, однако сомневаюсь, что когда-нибудь увижу на сцене образ доброго короля Конмарра Холтийского.

Героиней сегодняшней пьесы была Безумная принцесса, спангийская инфанта Мирейя. Она резвилась с той самой ручной обезьянкой, которая, по ее словам, умела говорить и предсказывала будущее. Принцессу играла миловидная девушка в красном платье. Роль обезьянки досталась карлице, весьма одаренной в подражании обезьяньему визгу и с большим усердием скачущей по сцене.

Мирейя

Обезьянка, молю, что ты видишь, ответь?

Обезьянка

Сплел твой дядя коварного замысла сеть.

Твое дерево он захотел отрясти,

Чтобы черное имя свое нанести.

Мирейя

Обезьянка, молю, что же будет теперь?

Обезьянка

Он к отцу твоему подкрадется, как зверь,

И смертельного яда добавит в вино.

Так погибнуть отцу твоему суждено.

Тут на сцену вышел актер в огромной маске короля Кали-

та с усами длиной в целый фут. В руке он держал большой кубок, до краев наполненный вином. Я огляделся, не смотрит ли спантййка на эту насмешку над правителем ее родины, но нигде не нашел ее. Калит плеснул вином на беспечно танцующих рядом со сценой короля и королеву. Они начали отплевываться, а потом оба упали на землю. Калит поднял огромную разрисованную корону и надел себе на голову.

Мирейя

Что ты делаешь, дядя, молю, объясни!

Калит

Королевской судьбы обрывается нить.

Глупый танец окончен, меняется роль,

И теперь я законный спантййский король!

Обезьянка заскакала по сцене, Мирейя заплакала.

Мирейя

Что же будет со мною, признайся, молю!

Калит

Я б племянницу мог успокоить мою,

Но ты требуешь правды. Ну что ж, так и быть:

Я теперь и тебя тоже должен убить.

Обезьянка

Помогите, ведь он же погубит ее!

Неужели никто не спасет Мирей-ё?

Кое-кто из зрителей захихикал. Дородная женщина, чью

сумочку я срезал ножом, и вовсе наслаждалась зрелищем. Калит подошел к принцессе Мирейе, а она подняла перед собой обезьянку и заявила, что та предупредила ее о предательстве. В этот момент лицедейка, игравшая спантийского короля, отца Мирейи, поднялась и сказала, что только сумасшедший может разговаривать с обезьяной, но боги жестоко покарают того, кто обидит безумца. Услышав слова отца, Мирейя принялась скакать не хуже обезьянки и даже бросаться в зрителей воображаемым пометом. Толпа взывала от хохота. В том числе и девушка, с которой я столкнулся в приступе притворного хохота, успев между делом оставить ее без серебряной сережки.

Оглядываясь назад, я порадовался, что спантийка не видела, как инфанта ее родины опустила до швыряния дерьма, – думаю, она бы отшлепала лицедеек плоской стороной спадина и устроила заварушку. Никогда прежде я не слышал о «Дамах из Ламнура», но они играли не так уж и плохо. Правда, «Коронацию» я до конца не досмотрел. Когда ты уже получил все, что мог, лучше отправиться в другую часть города. Я и так знал, чем кончится пьеса.

Мирейя спасла свою жизнь притворным безумством. Ее выдали замуж за короля другой страны, подальше от дома и вероломного дяди, желавшего ей зла. Ее мужа, короля Галлардии, сожрали орки в той самой Королевской погибели. В конце представления все артисты нахлобучили бутафорские гоблинские головы и принялись за сценой кусать галлардий-

ского короля. Только за последний год лицедеи набрались смелости настолько, чтобы изображать на сцене гоблинов, и мне хотелось бы видеть в этом знак возрождения нашей силы.

Невозможно смеяться над тем, чего боишься.

Мир людей потихоньку залечивал раны.

Видимо, эти лицедейки неплохо заработали, потешаясь над бедами наших соседей с востока и юга. Позже я слышал, что карлица проглатывала каждую золотую или серебряную монету, которую ей бросали. Удивляюсь, как после этого товарки отпускали ее одну в уборную.

Я побродил по Городу искр, старому кузнечному кварталу возле речных причалов, а потом вышел к рынку. Возле лотков с угрями крутилась стая котов, как обычно бывает в рыбных рядах. Один из них, тощий, серо-бурый, держался поодаль. Он не скакал туда-сюда, как другие, а обтирал усам стену возле моста. Когда старуха-торговка вышвыривала отрезанную голову угря в канаву, все коты, кроме него, бросались на добычу, кусая и царапая друг друга. Принюхиваясь, он дожидался момента, когда его собратья утащат рыбью голову, а потом семенил к тому месту, где она лежала, чтобы лизнуть жирный след.

Он был слепой.

И тут появились кошководы.

Лет десять назад, когда гоблины в очередной раз наслали

на нас мор, какой-то старый хрыч из Галлардийского университета заявил, что одну из болезней – хлещущий кашель – разносят кошки. И люди ринулись забивать палками, топить или как-то иначе убивать зверьков с острыми ушками и нахальными мордочками. Со временем мор прекратился, как прекращались все гоблинские поветрия, и кошек перестали отлавливать. Только барон Кадота, чей сын умер от укуса кошки, продолжал лютовать. Ходили слухи, что мальчик проделывал с бедным животным что-то мерзкое и дикое – нет, не то, о чем вы подумали, а много хуже. И никто не заслуживал смерти больше, чем он. Однако богатые таят злобу куда дольше, чем могут позволить себе бедные, и баронский указ остался в силе. К счастью для кошек, деньги быстро обесценивались, так что вскоре награда сделалась совсем мизерной и никого уже не прельщала. Барон не озаботился повисить ее, и кошки стали возвращаться.

Получая по два медяка за шкуру, особо не разбогатеешь, но каравай хлеба купить можно. Или рыболовный крючок. Или три яблока. Пристрели двух кошек – вот тебе и ужин. Друзей ты этим промыслом не приобретешь, но и от голода не подохнешь. Не успел я сообразить, кто такие эти двое подростков самого затрапезного облика, с мешками на плечах и в сандалиях, обмотанных грязным тряпьем, как они разрядили свои дешевые, но грозные на вид арбалеты.

Один болт звякнул о камень, выбив искры, но другой угодил под ребра рыжему длинношерстному коту. Вся стая ми-

гом разбежалась. Слепой тоже бросился было наутек, врезался в стену, сделал еще два ложных рывка, а потом просто прижался к стене и задрожал. Один из вшивых стрелков схватил рыжего и забросил в мешок, а другой, отхаркиваясь, вытащил из кармана ржавый болт и перезарядил арбалет. Слепой кот сидел на том же месте, водя по сторонам круглыми желто-зелеными бесполезными глазами. Прохожие по большей части отворачивались, только двое малолетних засранцев радостно улюлюкали. Говнюк с арбалетом прицелился.

– Постой, – сказал я и – боги милосердные! – встал между ним и котом.

– Чё за дела, нап? – спросил он со всем очарованием холтийских манер.

– Я дам тебе два медяка, если ты не станешь стрелять в этого обормота.

– Ну хорошо, – сказал он и опустил арбалет.

Во мне шевельнулось недостойное подозрение, что, получив свое, он все равно пристрелил бы кота. Но не стану строить из себя праведника, я ведь тоже не собирался отдавать ему два медяка. И уж точно не так, как он себе представлял.

Подойдя ближе, я вытащил из-под ремня маленький, но очень острый нож для подрезки кошелей и быстрым, как змеиный укус, движением провел вверх по одной заросшей щеке, а потом – вниз по другой. Арбалет со стуком упал на землю. Второму говнюку я сделал подсечку – все птенцы

Низшей школы большие доки по части подсесть, ослепить и повалить на землю. Он с громким охом упал, а я схватил за шкурку кота, дрыгающего задними лапами, и побежал со всех ног.

– Мой кот! – завопил убийца рыжего. – Этот гальтский воруга набросился на меня и украл моего кота.

Не знаю, откуда появилась цепеносица, но я ведь еще не совсем протрезвел после «Барабана», да и руки у меня были заняты, а она оказалась на диво быстрой и крепкой. Я увидел в ее стальном нагруднике свое отражение – с зелеными глазами, приоткрытым ртом и брыкающимся подзаборным котом в руках, и тут она защелкнула браслет на моем правом запястье, прежде чем я успел что-то сообразить. При дневном свете цепеносица никак не могла разглядеть мою татуировку, но мы недолго пробыли на свежем воздухе.

– Гильдия, а? – спросил тюремный клерк, сидя в трепещущих отблесках пламени свечи.

– Да, сэр.

– «Сэры» тебе помогут ничуть не больше, чем твоя Гильдия, чернорыкий. Знаешь, что говорят о пойманных ворах, ага?

– Я не вор.

– Да, и я дам тебе подсказку. Мы ведь оба знаем, как это бывает. Что говорили мастера твоей Гильдии о попавшихся ворах? Помнишь, что-то насчет веток?

– Обрезанные ветки питают дерево.

– Хм...

– Так в чем меня обвиняют? Я ничего не украл.

– Тот человек сказал, что это его кот.

– Но я первым взял кота. Разве это не значит, что он теперь мой?

– Так гласит закон.

– Тогда я могу идти?

– Мог бы, если бы не поднял нож на этого господина. Хотя слово «господин» я произнес с глубочайшей иронией.

– Ты слишком умен для такой работы.

– То же самое я сказал бы и про тебя, похищающий кошек и срезающий кошели. Шутник. Так ты отрицаешь, что повалил одного из тех парней и поднял нож на другого?

– Совсем маленький ножичек.

– Зачем?

– Этот кот слепой. Так нечестно.

– Ха, «честно». Это слово обычно говорят только богатые.

Ты богат, похититель котов?

– А что, разве похож?

– Согласен, ты больше похож на бродягу, но не стоит бежать впереди телеги. Твои воровские сапоги с раздвоенным носком сшиты добротной, да и такой нож, как у тебя на ремне, бедняку не по карману.

– Значит, я богат. На корабле в Жарком море меня дожидается сотня золотых «львов» и тысяча серебряных «совят».

Я разыщу там падкую на сморщенные сливы русалку, с черными жемчужинами немислимой цены над лоханкой, и отошлю ее тебе.

– Нет у русалок никаких лоханок. Это вечное заблуждение. Сначала тебе тепло и приятно, но потом становится холодно, жестко, и пахнет тоже отвратительно. Однако спасибо тебе, что не стал ныть. Знаешь, как меня тошнит от этих разговоров: «Пощади меня, судья, я ни в чем не виноват, клянусь богами»? Я собираюсь вздернуть следующего, кто заговорит о своей невинности, особенно если так оно и есть.

– Значит, я могу забрать кота?

– Можешь отварить и съесть его. Мне-то что за дело? Эй, стражник!

Та женщина, что арестовала меня, шагнула вперед, держа в руках присмирившего кота. Отблески полудюжины свечей заплясали по ее кирасе.

– Отдай ему любимое чадо. А потом проводи в третью западную камеру.

Они даже не потрудились отобрать у меня ножи.

Скрипка и Голод

Я сидел на грязном полу камеры и думал, есть ли у меня шансы разыскать спантийку, прежде чем она отправится в путь. Шансы оставались, и немалые, если только я сумею отсюда выбраться. Хотя спантийка и старалась не привлекать внимания, птичью воительницу трудно было не заметить – из-за акцента, пристрастия к вину, да и просто по выправке. Стоит увидеть ее, и сразу понимаешь, что это важная фигура. Из тех, чей палец однажды ляжет на чашу весов.

А я? Просто еще один гальт, угодивший в холтийскую тюрьму. Я смотрел, как кот осторожно пробирается к высокому окну с решеткой, пропускающей последние крохи солнечного света. Он нащупывал дорогу от одного сухого камня к другому. Мой сокамерник сидел, поджав коленки к подбородку, и смотрел в дальнюю стену. Пьяный в стельку и постариковски костлявый, он как будто плавно превращался в скелет еще при жизни.

– Слепым кошкам проще, чем людям. У них есть усы, – сказал я.

Старик рыгнул и потер узловатым кулаком едва прикрытую грудь, продолжая пялиться в стену.

– Извини, если ты слепой. – (Он рыгнул еще раз, протяж-

но, со свистом.) – Но я что-то сомневаюсь. – (У него были длинные ногти, крепкие и грязные, соперничающие в желтизне с зубами и белками глаз.) – Тебя ведь посадили в тюрьму не за то, что ты заговорил кого-то до смерти? – поинтересовался я.

Он помахал передо мной тремя растопыренными пальцами, и этот жест был бы еще непристойнее, если бы он показал не три, а два. Старик продолжал таращиться в стену, как будто та могла рухнуть, прерви он на миг свое бдение.

Я тоже принялся ее разглядывать. Это была не первая тюремная стена, какую мне довелось видеть. Надписи поражали разнообразием языков, словно дело происходило в каком-то портовом городе вроде Пигденея. Конечно, в основном они были нацарапаны и вырезаны на холтийском, но и мой родной гальтский тоже попадался. Еще я заметил целый абзац на антерском, с обычными для него плотно утоптан-ными словами длиной в целую фразу, а также два-три изысканных выражения на гордом спантийском, которые проще произносить, набрав полный рот чеснока или жгучего перца. Испантия и Антер были соседями Холта с востока и запада, поэтому не стоило удивляться, что путешественники из обеих стран столкнулись с гостеприимными стражниками чудесного города Кадота.

Среди этих каракулей нашелся и один экзотический язык – кешийский. В этой древней империи пользовались другим алфавитом, однако я сумел прочесть и мгновенно понял на-

писанное: «Драл я ваш Кадот в волосатую задницу. Вонючий город, полный вонючих баб, которые страшнее любого гоблина. Драл, драл и драл весь город Кадот огромным слоновьим дрыном». Не стоило винить автора этих слов за прямоту.

Я никогда не бывал в жарком, захваченном гоблинами Кеше и завитушки эти прочитал только благодаря второму своему врожденному дару, о котором обещал рассказать.

Я был из тех людей, кого называют Шифрами.

Конечно же, шифр – это код; но если так говорят о человеке, это значит, что он может читать и понимать любой язык без всякого обучения. Обычно это становится полной неожиданностью для родителей Шифра, и моя мать не исключение. Мне было пять лет, когда я нашел на рынке грязный, помятый листок, подброшенный каким-то писакой, и спросил маму, правда ли, что Запретный бог – единственный истинный бог и что он желает всем добра? Она не сразу сообразила, что я просто сказал вслух то, что было написано в памфлете, зажатом в моей чумазой руке.

– Ты это прочитал, сынок? – спросила она.

– Да, мама.

Она отшлепала меня, а потом, увидев слезы в моих глазах, объяснила:

– Я это сделала, чтобы ты запомнил. Никому больше не рассказывай, что умеешь читать, и особенно папе. Ни в коем случае, пока живешь в его доме.

Причину я тогда не понял, но ее слова пошли мне на пользу и помогли скрыть мой дар. Однажды в Низшей школе мне показали девушку-Шифра. Ее поселили в удобной комнате под землей и даже позволяли выходить в город с сопровождающим. Но бо́льшую часть времени она проводила за взломом чужих кодов и сочинением собственных для Гильдии. Она была толстой, как корова, бледной, как рыба, и не мечтала ни о чем другом, кроме как о свободе. Видимо, она хотела слишком многого.

Я вырос в шахтерском поселке и до сих пор вздрагиваю от одной только мысли о жизни взаперти. Шифры очень ценны и очень опасны. Говорят, они могут прочесть даже Алфавит-убийцу, на котором записана подлинная история Гильдии, а также самые важные заклинания. Его используют для сообщений самые могущественные люди в Гильдии. Но я бы не поставил свою жизнь на то, что эти слухи верны.

Однако Гильдия постоянно разыскивает новых Шифров. Помню, как-то раз я увидел в таверне Низшей школы объявление: «Первая кружка пива бесплатно. Только попроси!» И уже собирался это сделать, когда вдруг осознал, что никогда прежде не сталкивался с этим языком. Возможно, он вообще мертвый. Я закрыл рот на замок и с тех пор ожидал новых подвохов.

Я читал надписи, нигде подолгу не задерживая взгляда и никак на них не реагируя, хотя, боюсь, едва не рассмеялся, когда представил, как кешийский слон отдерет весь го-

род Кадот. Тем временем кот взобрался на подоконник и водил носом, с надеждой ловя каждое дуновение ветра. За окном, расположенным на уровне улицы, мелькнула пара грязных сапог. Я раздумывал, не стоит ли с помощью заклинания сжать свое тело и проскользнуть между прутьями решетки, но они были сделаны из прочного железа, и, чтобы колдовать так близко от него без вреда для собственной шкуры, требовалась магия посильней моей. Заклинание может выдохнуться на полдороге, и тогда железные прутья раздавят мне грудь.

Железо действует на свободную магию точно так же, как смех и холодная вода – на мужское возбуждение. Свободная магия – это заклинания. Связанной магии, то есть татуировкам и амулетам, железо не вредит, хотя и может ее ослабить. Сталь тоже опасна, но не настолько – с мечом или ножом на ремне еще можно швыряться заклинаниями, но только не в кольчуге. Чтобы наслать чары, надев стальные доспехи, нужно быть Фульвиrom или Трясошипом. Но даже этих двоих, вероятно, удалось бы обезвредить, заточив в железный ящик. То есть магия все-таки действует на железо, просто заклинаниям трудно проникать сквозь него. Можно обратить в другую сторону оружие в руке рыцаря, но нельзя остановить его сердце сквозь нагрудник. С другой стороны, цветные металлы не мешают заклинаниям, а медь даже помогает. Как и бывшая живая ткань – дерево или кожа. Если какой-нибудь засранец подойдет к вам с медным браслетом или оже-

рельем, будьте осторожны. Возможно, это маг. Раз уж я сам использую заклинания, то всегда ношу кожаную безрукавку, а Пальтру и Ангну держу в медных ножнах, тоже обернутых кожей. Наконечники стрел большого значения не имеют.

– Хочешь выбраться отсюда? – спросил я у Обормота.

Кот мог сбежать в любой момент, но, похоже, пока решил остаться. Хотя, если в ближайшее время никто не предложит нам поесть, он все-таки сбежит, и я не стану его останавливать.

– Можешь побыть пока здесь, если не возражаешь, – сказал я маленькому слепому животному.

Он просто сидел на подоконнике и водил носом, с тоской вынюхивая ароматы отбросов с улицы.

Кота волновали запахи, а меня вскоре заинтересовали звуки музыки. Кто-то не особенно искусно играл на скрипке в другой тюремной камере, которую мне через окно было не разглядеть. Хотя меня привлекли не сомнительные способности музыканта, а то, что он или она водила смычком по моей скрипке.

Я приложил ухо к толстой, окованной железом двери и утвердился в своих подозрениях – скрипка звучала так же низко и приятно, как моя, да и мелодия была гальтской. Старинный романс о двух парнях, любивших одну пастушку и решивших разрешить спор в схватке на ножах. А потом оказалось, что ей нужны либо двое, либо ни одного. Вот каковы чернорылые женщины – они заказывают музыку, а мы под

нее пляшем. Я не собирался жениться, а если бы и решил, то не на гальтке. Для одного из нас все кончилось бы скверно. Обьезжать чернотякую кобылку ничуть не проще, чем укрощать чернотякого жеребца. Гальтку лучше взять в жёны на месяц и посмотреть, не убьёте ли вы друг друга за это время.

Мне захотелось взглянуть, кто пиликает на моей скрипке. Я достал спрятанную под ремнем маленькую отмычку и за пару ударов сердца отпер дверь. Мой костлявый сокамерник только смотрел и рыгал. Я закрыл дверь и вскарабкался к потолку, упираясь, как нас учили, ногами в стены и стараясь держаться в тени.

Музыка привела меня к зарешеченной двери. Это была большая камера общего содержания, не так хорошо защищенная. Мое воровское зеркало на удобной складной ручке все еще лежало в мешке на чердаке «Барабана» вместе с глиной для отпечатков ключей, пилой по железу и другими инструментами. Но меня скрывала густая тень, и я мог спокойно наблюдать за тем, что происходит внутри. На земляном полу сидели понурые фигуры и слушали, как юноша играет на скрипке, а пучеглазая женщина поет по-гальтски. Конечно же, это были лучники, вместе с которыми я изображал разбойников в Сиротском лесу. Те самые братец и сестрица, что прихватили из лагеря все наше добро, после того как нас покромсали спантейка и ее птица. Оба они стояли спиной к решетке.

Нерфас двигался туда-сюда в такт мелодии, подбородком прижимая скрипку к плечу. Шагнув влево, он оказался у самой решетки. Я осторожно подкрался ближе, как дым просачивается в кладовую, прекрасно понимая, что последний ярд пути меня будет освещать факел. Если правильно подгадать время, я смогу выполнить задуманное, хотя это будет непросто. Я заглянул в себя и убедился, что мое везение при мне. «Все в порядке», – подумал я, надеясь, что чутье подскажет мне, когда и как действовать. И вот я спрыгнул со стены. Кое-кто из узников охнул, увидев падающий с потолка темный силуэт, но молодой Нервяк оказался еще и тормозом. Я просунул ногу сквозь решетку и подсек его за лодыжку. Он упал, удержав скрипку, но выронив смычок. Я дернул его за сапог, так что прутья решетки пощекотали ему яйца, потом зажал ногу Нерфаса и отклонился назад, едва не вывернув парню сустав. Он завопил от боли.

– Меня зовут Кинч На Шаннак, – обратился я к его сокамерникам. – И я заявляю, что был прежним владельцем этой скрипки.

Заметьте, я не сказал «настоящим владельцем» – для Гильдии это не имело значения.

– Хочешь оспорить мои слова?

Он не захотел. Сестрица дернулась было ко мне, но я еще сильнее откинулся назад, и Нерфас взвыл.

– Даже не думай, что меня это остановит, Снежные Щечки, – сказал я ей.

Она и в самом деле была бледной, и произнести это имя холтийцам было куда проще, чем гальтское Сночшейя. Сестричка сразу сдалась.

– А теперь передай мне скрипку.

Она передала.

– И смычок.

Этого она уже не смогла сделать, потому что смычка у нее не было. Его подняла толстая женщина с зобом.

– За это мне дашь? – спросила она, как истинная северянка пропустив слово «что».

– Вот что я тебе дам, – сказала стоявшая рядом гальтка и треснула ее по уху мозолистым кулаком.

Смычок выпал, и кто-то подтолкнул его ко мне. Я отпустил Нерфаса и кивнул ему. Они с сестрицей кивнули в ответ. Все прошло строго по правилам, и, похоже, никто не затаил обиды. Я прижал скрипку подбородком, проверил смычок на зуб и закончил песню куда лучше, чем этот задрот Нерфас. Снежные Щечки допела последний куплет, который можно перевести примерно так:

Так вот они и резвились втроем
Осень и сумеречь, ну а потом
Вьюга запела за темным окном:
«Носит пастушка дитя».

В жатвень косцы собрались на покос,
Сыр свой молочник на рынок повез,

А ветерок плач младенца донес:
«Двое отцов у меня».

На гальтском это рифмуется с «Клал я на вас!».

Когда я вернулся в камеру, тощий старик, по-прежнему уставившись в стену, проговорил:

- Твой кошак сбежал.
- Я так и думал.
- Мог бы и привязать.
- Зачем?
- Так он не твой, что ли?
- Вообще-то, нет.
- Знал бы – лучше б сожрал.
- Как-то не по-соседски.

Он покачал передо мной тремя пальцами.

При слове «сожрал» у меня неприятно, но очень знакомо засосало под ложечкой. За весь день у меня во рту не было ничего, кроме пива и холодной сосиски сомнительной съедобности из «Барабана».

- Кормить-то нас здесь собираются?

В ответ я опять получил лишь покачивание пальцами.

- Не буду больше тебя отвлекать. Ты ведь хочешь взглядом просверлить дырку в стене.

Тут-то я услышал, как трижды прозвонил колокольчик.

Мешок с Костями еще раз показал мне три пальца и обтер

рот тыльной стороной ладони. В нижней части двери открылось маленькое окошко, и в камеру задвинули кусок черствого, крошащегося хлеба, намазанного чем-то вроде бобовой похлебки. Тощий Зад с неожиданным проворством набросился на еду. Я тоже поднялся, собираясь потребовать свою половину, но он заграбастал все себе, сел на место и покачал головой. Я хотел было накостылять ему, но решил, что царапина от его грязных ногтей может загноиться.

– Знаешь, будь в тебе хоть капля достоинства, я бы назвал тебя крысой, – сказал я.

Он навис над добычей и съел все, а потом с великой тщательностью собрал крошки с одежды и пола и тоже их проглотил.

– Я так надеялся, что ты пропустишь крошку, застрявшую в волосах на груди. Тогда бы я стащил ее, пока ты спишь.

Он вытер руки о затасканные штаны и наконец-то посмотрел на меня:

– Дурной я, что ли, спать здесь?

Отвратительный кадотский уличный говор старика вдруг сменился милым гальтским акцентом, совсем как у меня. Только теперь я заметил его черный язык. Он вскочил на подоконник, раздвинул прутья решетки и задницей вперед вылез из окна наружу. Убедился, что никто за ним не наблюдает, и вернул прутья на место.

– Так, значит, это камера Гильдии? – догадался я.

– А ты туповат, Шутник. С чего бы иначе тебе оставили

нож? Да, это камера Гильдии, как и вся драная тюрьма.

Дальше он заговорил по-гальтски:

– *Hrai syrft ni'ilenna...*

– *Tift se fal coumoch*, – ответил я.

– *Lic faod kiri dou coumoch!* – закончили мы вместе.

«Кто прыгает с луны, попадает в коровье дерьмо. Слава коровьему дерьму!»

Священные слова.

– Со скрипкой ты неплохо провернул. А теперь иди своей дорогой. Два дня как подписал контракт – и уже попался. Ты упустишь спантийскую убийцу, если и дальше будешь сидеть на жопе ровно. И не забудь, уходя, поставить обратно решетку.

И он растворился в наступающей ночи.

Гальт, как и я сам.

Жрец Фотаннона.

И если я правильно понял, вор высшего ранга – Голод.

10

Жеребец

Кот нашел меня вскоре после того, как я разыскал Гальву.

Она покинула таверну, в которой мы беседовали прошлым вечером, и я пропустил назначенную встречу у башни Хароса. Но я был уверен, что она не соберется в путь до утра. Спантийцы любят, когда все идет должным образом, а рассвет – самое подходящее время для первых шагов долгого путешествия.

Я заглянул в «Олень и тихий барабан», забрал с чердака свое добро и вернулся в обеденный зал. Обливаясь жиром, с жадностью затолкал в рот пирог с угрем, луком-пореем и грибами в чесночном пивном соусе. Больно было смотреть, как холтийский серебряный шиллинг, иначе называемый «слугой», превратился в четыре марки, или «служанки», и два медяка, но, по крайней мере, мне не пришлось разменивать «совенка». Холтийский «слуга» имеет такую же ценность, как и галлардийский «совенок», только на нем изображен жирный засранец верхом на осле, со снопом пшеницы в руке. Вероятно, этим снопом он собрался подтереть задницу. Совсем никчемная монета, заслужившая размен.

Дожевывая угря и обмакивая корку пирога в эль, я размышлял о том, куда могла деться спантийка. На рынке сто-

или три спантийских прилавка: на одном продавали масло и рыбу, на двух других – вино. Возле того, где торговали еще и кожей, никогда не было очередей, так что вино у этого купца постепенно превращалось в уксус. Гальва такого не стерпела бы. Второму торговцу вином некогда было присесть; за то время, пока я обдумывал, у кого из покупателей срезать кошель, он успел опустошить целую бочку. Выскоблив тарелку и оторгнув, я отправился на прогулку и вскоре с набитым животом уже стоял возле закрытого лотка, а свежий ветер развеивал мои волосы.

Я представил себя спантийкой, болтающей о чем-то с другим уроженцем теплых бурых холмов ее родины. Потом взял воображаемую бутылку и пружинистой походкой мастера фехтования отправился туда, куда ноги вынесут. Они вынесли в переулок возле Расколотого моста – каменного, расходящегося буквой Y над широкой рекой. Построенный двести лет назад, он считался гордостью Кадота – больше за красоту, чем за прочность. Набитый под завязку красивыми каменными и деревянными лавками, тавернами, книжными лотками, статуями и даже фонтаном со струей, бьющей изо рта торжествующего тритона, он, казалось, вот-вот рухнет во тьму богатой угрями реки Каддоу.

Мое внимание привлекла безымянная двухэтажная таверна с зеленой черепичной крышей, гранитными стенами и крошечными окошками, которые, похоже, запирались изнутри. Я взглянул на деревянную вывеску в нижнем окне

с выжженной надписью «ВАННА И ПРОЖИВАНИЕ», кивнул, как спантййка, и пробормотал: «*Bolnu, bolnu*», потому что принять ванну и впрямь было бы хорошо. Даже при скромном бюджете в такой таверне можно принять ванну, а потом остаться еще на несколько ночей за небольшую цену, если вообще не бесплатно.

Спантййцы славились любовью к чистоте, и, в отличие от других путников, Гальва не пахла прелыми сапогами. Все правильно. Мое везение разгорелось теплым огнем. Она здесь. Со стороны улицы или реки? Ясное дело, от нее это не зависело, но забраться в дом проще было со стороны улицы. Я устроился в темном переулке, следя за двумя разделенными окнами, в которых плясали отблески свечи. Торопиться было некуда. Через час я заметил, что левое окно запотело, и решил заглянуть туда.

Я поднялся по водосточной трубе, не забывая о скрипке и смычке в мешке за спиной, повис под козырьком, достал маленькое зеркальце на складной ручке и увидел в нем спантййку, сидевшую в ванне лицом к окну, как и подобает осторожному путешественнику. Но моего воровского зеркала она, конечно же, не замечала.

Тут-то я и разглядел, что у нее совсем нет груди. Не в том смысле, что она была маленькая и худая, такое я видел не раз. Скорее уж грудь спантййки полностью исчезла, и на ее месте видны были татуировки, очень красивые. Возможно, это следствие ожога? Или она такой родилась? А может, по-

калечилась на войне?

Так или иначе, она утратила грудь, а потом это место покрыли искусной татуировкой. Изображение ворона на крепких, покрытых шрамами грудных мышцах – знак птичьей воительницы; рука скелета на груди – символ преданности Далгате; меч на предплечье, обвитый тремя цветками – по числу лет обучения у некоего мастера. Именно таких татуировок и следовало ждать от птичьей воительницы, давшей обет богине смерти.

И еще одна странность – аура магии, не смягченная кольчугой и латным воротником, теперь ощущалась в спантийке еще сильнее.

Вот только откуда она исходила?

По зову Гальвы в комнату вошла девушка-служанка с вином, разумеется, и кувшином горячей воды, чтобы подлить в ванну, если гостя пожелает. Спантийка пожелала. Я вскарабкался на крышу, перелез на другую сторону, обнаружил там пустую комнату и влез в окно. Прошел по коридору и прошмыгнул в открытую дверь. И все это за сорок ударов сердца. Дождался момента, когда Гальва отвлечется, аккуратно наливая вино в стакан, и спрятался за щит, стоявший у стены. Разумеется, он не мог скрыть меня целиком, но есть способы сжаться и обмануть зрение.

Дальше разыгралась такая сцена, что я с трудом сдержал смех. Назовем это столкновением обычаев. Служанка, а заодно и проститутка, иносказаниями предложила Гальве лю-

бовь за деньги. Спантййка явно ничего не поняла, потому что горничная упустила кое-какие тонкости и, что еще забавнее, сама была родом из Антера и говорила с резким, шипящим акцентом. Сообразив наконец, в чем дело, Гальва отказалась так вежливо, что девушка подумала, будто спантййку интересует секс, но не с ней. Поэтому она спросила, не желает ли госпожа видеть жеребца, как называют мальчиков для утех. Гальва вскинула голову, решив сначала, что здесь можно увидеть живого коня, а служанка приняла этот жест за согласие и позвонила в маленький колокольчик. И тут Гальва спросила, не кобылица ли это на самом деле. Ведь гоблинская магия гнилой чумы погубила всех жеребцов, а кобылицам пришлось легче. На тех, кого успели ожеребить, мор не подействовал, и некоторые из них живы до сих пор.

Понятно, что Гальва имела в виду настоящих кобылиц. Спантййцы любили лошадей больше, чем жители всех остальных королевств, вместе взятых. Однако служанка была убеждена, что гостья тоже говорит иносказательно. В мире продажной любви кобылицами называют уже рожавших проституток. Горничная объяснила, что неправильно ее поняла и решила, будто госпожа не любит женщин. Но Гальва уверяла, что много лет не прикасалась к жеребцам, но готова заплатить за то, чтобы увидеть кобылицу. Служанка поняла так, что Гальве не по карману заплатить за мужчину, которые стоят дороже, потому что их вообще осталось мало, но может наскрести монет на женщину постарше. Спантййка сообра-

зила, что произошло какое-то недоразумение, и попыталась его уладить, уверяя, что говорила о настоящих лошадях, что она очень любит лошадей и утром заплатит хорошие деньги, чтобы их увидеть.

Думаю, горничная не расслышала про утро, потому что дальше зашуршала, сползая, ее простая крестьянская рубашка, а колени и ладони шлепнули по полу. Я выглянул из-за щита – вы бы тоже не удержались – и увидел, как антерка с пшеничными волосами, отвисшими грудями и бледной веснушчатой кожей стоит на четвереньках, изображая лошадь. Она заржала, а Гальва рассмеялась, и я вслед за ней. Спантйика услышала мой гогот и перестала смеяться, но я остановиться не мог, и тогда она вылезла из ванны, оставляя мокрые следы, подошла к стене, отбросила щит в сторону, а потом больно ухватила меня за яйца и за шею и швырнула в ванну, расплескав половину воды. Она вовсе не разозлилась из-за того, что я увидел ее голой – в ее возрасте женщины-солдаты теряют стыдливость, – но все равно отдубасила меня щитом. Не так уж и нещадно, впрочем. Не со всей силы и в основном по плечам. А я все никак не мог унять хохот.

– Что здесь смешного? – спросила она, но из-за акцента у нее получилось «смехного».

– Могла бы и надеть свои дурацкие штаны, прежде чем колотить меня. Я пришел сюда не за кобылицей.

– А я не за жеребцом!

– Ты уверена? – сказал я и заржал.

Антерка тоже заржала.

Тут уж и Гальва снова рассмеялась. Потом положила щит и надела штаны.

Я открыл окно, чтобы выпустить пар, как вдруг услышал: «Мяу, мя-а-а-у!» – и посмотрел на улицу.

Слепой кот отыскал меня. Он стоял на бульжной мостовой и принюхивался, подняв маленькую голову к окну.

Властительница Саурбрина

На следующее утро, двадцать первого зольня, мы двинулись из Кадота на запад. Перед выходом я сказал коту:

– Не надейся, что я поверю, будто ты не волшебный. Ты умеешь говорить? Нет, не думаю, чтобы ты так сразу выложил все свои фокусы, даже если ты мой любимец. Как другие собаки и кошки бывают чьими-то любимцами, понимаешь? Это не родственник и не друг, а что-то среднее. Если я беру тебя с собой, значит ты станешь моим лохматым племянником-другом-наперсником, но мы должны заключить соглашение. Я держу тебя при себе до тех пор, пока ты держишь пасть на замке. Стоит тебе один раз не вовремя заорать – и со мной все кончено, да и с тобой тоже. А если ты докажешь, что умеешь говорить, я поставлю тебя на все четыре лапы, и проповедуй потом, где только пожелаешь. Ты все понял? Ладно, не говори ничего, таким ты мне больше нравишься. Да, еще один вопрос – насчет дерьма. Я буду кормить тебя, когда смогу, и, само собой, ничего приятного из кота вылезти не может. Обещаю каждые два-три часа выпускать тебя из мешка, чтобы ты мог засеять поле или украсить мостовую. Но ни в лагере, ни в доме дерьма быть не должно. Первая же кучка в неподобающем месте разлучит нас навеки. Не

знаю, мальчик ты или девочка, но, пока ты не подсказешь мне другое имя, я буду звать тебя Обормотом, потому что именно эту песню горланила толпа недоумков в тот день, когда мы повстречались. Я из тех, кто видит в случайности волю Провидения. Мешок я смазал маслом, чтобы он всегда оставался сухим. Все необходимое куплено: десяток новых стрел, точильный камень, баночка меда, медная фляга с виски и кварта пива. А еще куча соленой селедки, из которой тебе может перепасть самая мелкая и костлявая рыбина. Мы двинемся в путь, как только прикажет эта госпожа.

Я показал острием ножа на Гальву. Она сидела на кровати, засунув одну руку по локоть в сапог, а другой натирая его маслом. Спантййка уставилась на меня хмурым, немигающим взглядом, как смотрят на идиота, с довольным видом копающегося в грязи.

– Мы отправляемся на запад, – сказал я Обормоту. – Готов поклясться, ты всегда хотел увидеть запад. Или хотя бы понюхать. Бронзовщики Молровы. Бескрайние леса Брайса. Золотистые пшеничные поля Аустрима. Таверны и каналы Средиморья.

Гальва слегка покачала головой.

– Как-как? – Я наклонил ухо к кошачьей пасти. – Ты рад, что мы идем на запад, потому что не хочешь видеть Испанию?

– Полегче, – сказала спантййка, чуть крепче полируя носок сапога.

– Ты говоришь, что восточные женщины носят усы? А еще у них волосатые подмышки?

– *Baes pu palitru.*

Она повесила правый сапог на окно, чтобы кожа нагрелась на слабом солнце и впитала масло. Влажный после чистки щит из родникового дерева спантййка развернула так, что квадрат солнечного света из окна лег точно на него, поблескивая на умбоне с лицом духа урагана. Дерево было гладким, как новенькое, без единой отметки от стрел, попавших в щит в Сиротском лесу. Оно и вправду заживляло свои раны. Боги, за этот щит можно купить целое поместье!

Кем же все-таки должна быть спантййка, чтобы иметь такую ценную вещь?

– *Baes pu palitro*, – повторил я. – Если я еще не забыл спантййский, она сказала, что ты доиграешься, Обормот.

– Я говорила про тебя, а не про этого *chodadu* кота.

– Ты хотела сказать «драного»?

– Я не разговариваю с котами.

– Но *chodadu* – это значит «дранный», правильно?

– Его уже отодрали.

– Отодрали?

– Да. И между прочим, на запад мы пока не идем. Сначала на север.

Гальва добавила на тряпку масла и взялась за второй сапог. Я заметил, что в сапоги вшиты подвижные роговые или бронзовые пластины для защиты ног. Все ветераны Гоблин-

ских войн в первую очередь заботятся о ногах.

– Ого! Зачем она ведет нас на север, Обормот?

– Если ты не перестанешь разговаривать со мной через кота, я с него шкуру сдеру.

– Зачем мы идем на север, Гальва?

– Небольшой крюк. Чтобы встретиться с ведьмой.

– Она тоже знаменитая убийца, как ты?

– Она большой друг Далгаты и кормит много душ в своем королевстве. Ее зовут Перналас Моуртас.

– Мертвоножка? Я слышал о ней. Говорят, она кусает своих любовников до смерти. Но постой, это ж нам придется тащиться через весь Северный Холт.

– Да.

– Ничего себе у тебя друзья! Она ведь твой друг, верно?

– Никогда с ней не встречалась.

– Откуда тогда ты знаешь, что она хочет тебя видеть?

– У меня для нее письмо.

– А с чего ты решила, что она подпустит тебя так близко, чтобы можно было передать письмо?

Гальва закатила глаза:

– Поговори лучше со своим *chodadu* котом.

Я наточил нож – люблю, когда Пальтрой можно побрить черную-черную бороду бельгийца или провести черту между раздраженной спантійкой и разгневанной. А потом тоже намазал маслом свои сапоги, как и Гальва.

Какое счастье, что мы это сделали! Всю дорогу до Северного Холта лил сумасшедший дождь. Он сразу промочил нас до нитки и на этом не успокоился. Под таким дождем ощущаешь себя куском дерьма, который боги пытаются смыть с дороги. Я положил тетиву от лука в мешочек на шею, но она все равно отсырела.

Кот подал голос пару раз, но я не могу винить его, потому что мешок заливало водой. В конце концов ливень стих до обычного дождя, и мы продолжили путь. Крюк на север меня не тревожил. Приближалась осень, так что мы могли бы выиграть время, сев на какой-нибудь корабль в Пигденее, главном порту Северного Холта, и отплыть в дальние пределы Средиморья или даже Молровы, если найдем капитана, желающего туда отправиться.

Молрова на западе считалась обителью зла. Самое продажное королевство во всем мире людей, и если даже аристократы с ее побережья не позволяли пиратам за немалую мзду грабить корабли в своих водах, то лишь потому, что сами были пиратами.

К тому же молровяне торговали с Ордой. Корабли гоблинов поднимались по Хребтовой реке, привозя чай и тигровые шкуры из Урримада, а также корицу, черный перец и табак, что выращивали невольники в полях над могилами Древнего Кеша.

И чего вообще нельзя простить – во время войны они держались в стороне. Все тридцать лет немислимого кровопро-

лития могущественная, воинственная Молрова берегла своих секироносцев и кавалерию, называя вторжение гоблинов в Галлардию, Испантию, Бельтию, Истрию и Кеш «проблемами южан». До востока кусачие не добрались, однако армии Холта, Брайса и Ганнских островов все же отправились на верную смерть, а корабли пошли ко дну. Поэтому все послали молровян слизывать жидкое дерьмо с острого ножа.

Но в конечном итоге война не обошла стороной и запад.

Когда Орда сварила свое пакостное зелье, мор коснулся и молровских лошадей. Степные пони, молровские серые и растивские тяжеловозы пухли и умирали точно так же, как и другие лошади. Но властители Низинных земель наживали огромные состояния, уклоняясь от боя. В то время как южные королевства пали, а восточные были совсем обескровлены, Молрова сохранила силы.

Пока Война молотильщиков щедро кормила червей и грифов, молровские поноски под шумок захватили два бельтийских вольных города, Оловянные холмы Востры и поглотили целые мили Южного Антера вдоль Хребтовой реки. Здешные барды сочинили не меньше печальных песен о гибели лошадей, чем спантийцы и галлардийцы, но никто не желал их слушать. Одного этого достаточно, чтобы не думать о переходе через холодные, предательские земли этих подонков как о легкой прогулке.

Дорога из Холта в Северный Холт тоже была не сахар. Стоял золень, второй и последний месяц короткого северно-

го лета, обычно довольно теплый, но только не на этой неделе. Избавлю вас от описания проливного дождя, непривычного холода, голода и поноса, бесед у костра, притом крохотного и слабого. Мы миновали пару деревушек, проехались немного на запряженной козлами телеге с овощами, потом перешли вброд мутную реку, попали под град и дважды чудом избежали удара молнии. Каждый день Гальва вставала задолго до рассвета и упражнялась до изнеможения: наклонялась головой к коленям, подтягивалась на ветвях деревьев, отрабатывала фехтовальные приемы и выпады, прыгала на корточках. Даже в дождь. Попробуй ущипни такую женщину – только пальцы сломаешь.

Главным моим достижением за эти тоскливые дни был жареный цыпленок, которого я украл прямо из кухонного горшка, забравшись через окно в дом зажиточного крестьянина. Разумеется, госпожа Подтянись отругала меня за то, что я не прихватил турнепс.

Кот орал, гадил и мочился, но всегда в должное время и в пригодных местах.

Но самым ярким событием путешествия на север стала встреча с небольшим войском, проходившим мимо. В их рядах мы увидели истинное чудо – баронессу верхом на гнедой кобыле. Их сопровождали по меньшей мере сотня копейщиков и десятков подростков с цепями, в жутких, заплатанных кожаных куртках – столько и нужно для защиты такого сокровища, как живая лошадь, да не просто живая, а еще и

способная нести на себе всадницу в доспехах. Кобыле было не больше трех лет, когда наступил мор и погубил всех жеребцов и тех кобылиц, что не носили в чреве жеребят, которые все равно родились мертвыми.

Всадница, баронесса Саурбринна Селдра Справедливая, остановилась и повернулась ко мне, обнажив меч, но тут же убрала его обратно в ножны, как только выяснила, что я оказался в ее владениях по поручению Гильдии.

Я не возражал против ее расспросов, пока мог вдыхать диковинный запах лошадиного пота – резкий, соленый и такой настоящий. Я украл по меньшей мере десяток таких вдохов, и теперь эти дымчатые бока и ноги останутся со мной до вряд ли достижимой старости. Каждое ржание казалось мне песней, за которую не жалко заплатить «совенка». Но настоящий приз дня получила птичья воительница.

Баронесса сразу определила в ней такую же убийцу гоблинов, какой была сама, и, зная любовь спантийцев к лошадям, велела взять горсть овса, чтобы кобыла коснулась губами ладони спантийки. Никто не оплакивал гибель лошадей так горько, как спантийцы. Гальва поцеловала руку баронессы, отвернулась и пошла своей дорогой под проливным дождем.

Прежде чем догнать ее, я перекинулся парой слов с молодой женщиной в шлеме с кабаньими клыками, вооруженной грозным на вид роговым луком.

– И чем же вы заняты, обходите границы?

– Да, можно сказать и так, – ответила она. – Разыскиваем Рогача и его приспешников. Лучше бы тебе поскорей добраться до города и оставаться там, пока мы его не поймаем или он не сбежит из наших земель.

– А кто такой Рогач? – спросил я.

– Ты, я слышала, нездешний, дэ-а?

– Дэ-а, – передразнил я, но без всякой насмешки. Просто у меня врожденный талант подражателя.

– Рогач – смешанник.

Теперь мне стало по-настоящему интересно. Смешанников – микслингов – можно было создать только с помощью могущественной магии – магии, объявленной вне закона, пока некоторые немногие не получили лицензию на ее использование для ведения войн. Ее называют телесной или костяной магией. Величайшим костяным магом был Трясошип, гальт, по всему миру искавший редких зверей, чтобы потом извратить их. Благодаря телесной магии смешивания мы и получили корвидов. Это Трясошип смешал воронов и гордых птиц с равнин Аксы, не уступавших размером человеку, и добавил им толику крови великанов. Обычно смешанники сразу же умирают, но стоит вывести одного здорового – и можно их вырастить сколько угодно. Или сохранить только то, что уже есть, как пожелаете.

Костяная магия превратилась в великое искусство, но даже тем, кто создавал монстров для войны с Ордой гоблинов, запрещалось смешивать людей. Но, Фотаннон свидетель, нет

такого запрета, который не попытались бы обойти, а Трясошип был слишком силен, чтобы ему указывало всякое унылое дерьмо вроде королей. Ходили слухи, будто бы в библиотеке его сотоварища Фульвира хранилась книга заклинаний из утраченных городов: погребенного под горами Бхайна и затонувшего Адрипура в Древнем Кеше.

Один из таких смешанников и бесчинствовал теперь в Северном Холте.

– В нем так много от быка, что на голове у него растут рога, но все же он не совсем тупой. Силен за двоих и свиреп за десятерых. Говорят, Рогача защищает магия, татуировка с заклинанием, делающим его неуязвимым в бою.

– Ты что-то сказала про его приспешников.

– Их около полудюжины.

– И вы собрали целое войско, чтобы разыскать его? Женщина рассмеялась, а я удивленно поднял брови.

– Приятель, ты просто его еще не видел.

Вывернутая башня

Золень или нет, но снег вполне мог и пойти, когда тропинка углубилась в лес, зовущийся Бесснежным. Он находился в десяти милях от маленького, грязного городка Маэт, известного своей виселицей. Поговаривали, будто бы первое в мире повешение произошло именно здесь. Насколько я понимаю, пустое хвостовство – эта казнь так же стара, как шея и петля, и сомневаюсь, чтобы их тоже придумали местные остолопы. Но они с гордостью снимали урожай виселичных плодов, и это все, что нужно знать о жителях Маэта. Гильдия не имела представительства в городе скорее за ненужностью, нежели из страха. И еще одна деталь – доля мужчин, способных держать оружие, в Маэте была значительно больше, чем в других городах. Очевидно, уклонение от военного призыва не считалось здесь преступлением.

– Я уже видел это дерево, – сказал я.

– Какое дерево? О чем ты?

Я обернулся проверить, но да, мы уже проходили мимо него. Это дерево нетрудно было узнать по раздвоенной верхушке со свежими побегами, видимо недавно подрезанной и почти горизонтальной ветке. Будь она чуть повыше, на ней могли бы кого-нибудь повесить, но так она не подходила и

для ребенка. Вряд ли такое случалось часто, даже в Маэте.

Я показал Гальве на приметное дерево.

– Думаешь, мы идем по кругу? – спросила она.

– Нет, когда я видел его в прошлый раз, рядом было недавно сжатое ячменное поле, наполовину освещенное солнцем. А теперь мы снова в густом лесу.

– Может быть, оно следует за нами, – сказала спантийка.

– Ого! – проговорил я, раздираемый, с одной стороны, сомнениями в своей способности различать деревья, а с другой – завистью к силе магии, необходимой, чтобы заставить дерево следовать за кем-то.

Я почувствовал толчок в спину и понял, что Обормот приподнял голову, прислушиваясь. Рассудив, что это хорошая идея, я тоже наострил уши. Пару раз мне почудилось, что кто-то поет, но сначала это оказался соседний ручей, а потом – стая птиц. Вскоре я заметил еще одно странное дерево, окаменевшее без всякой видимой причины. Как будто некий маг обиделся на вяз и превратил его в статую со всеми прожилками на каждом листочке. Это было страшно, но в то же время невероятно красиво. Чуть позже тропинка уперлась в живую изгородь из колючего кустарника, как будто нарочно высаженного здесь, чтобы разодрать нашу одежду в клочья.

– Налево или направо? – спросил я.

Однажды, когда мы почти по-человечески беседовали у костра, Гальва сказала мне, что с помощью ведьмы запомнила направление, в котором следует идти.

– Дальше все время влево, – ответила она.

– А мы так не начнем кружить?

– Только не здесь.

Мы целый час продирались сквозь частокол берез и между валунами, пока не отыскали тропинку. Одним богам известно, откуда и куда она вела, но мы повернули налево. И почти сразу же – я бы не успел даже толком испортить воздух – увидели впереди маленького сгорбленного человека, тянущего за собой тележку. Из-под колес летели камни, в коробе лежали инструменты. Самые разные, но с одинаковым изъяном: погнутые или сломанные в том месте, где дерево встречалось с металлом. Здесь были и кривая пила, и треснувшая у рукоятки мотыга, и точно так же испорченные вилы. Работник так и не повернул к нам похожую на тыкву голову, пока мы не обогнали его, но он так отчаянно пыхтел, что не стоило на него обижаться. Он просто пытался не помереть от натуги.

– Ты бы остановился, присел да передохнул немного, – сказал я, проходя мимо. Он ничего не ответил и потащился дальше, приоткрыв впалый рот, как бывает у людей, потерявших почти все зубы. – Честное слово, приятель, вряд ли кто-то так уж сильно ждет эти сломанные инструменты. Присядь. Так ты того и гляди испустишь дух, а это меня во все не обрадует. – (Он даже глазом не повел.) – Ну хорошо, по крайней мере, есть в чем отвезти тебя обратно.

Может быть, он на мгновение улыбнулся, а может, и нет.

Так или иначе, вскоре мы оставили его далеко позади, а тропинка вывела нас на поляну у подножия холма. На вершине его стояла странная каменная башня, почти до самой вершины увитая плющом, который, казалось, тянул ее вниз. Я бы не удивился, если бы она обрушилась от одного громкого слова. Выглядела эта башня давно и крепко заколдованной.

Идеально подходящее место для ведьмы, которую зовут Мертвоножка.

И тут я заметил дверь. То есть ее не было там, куда мог бы добраться обычный человек. В башню вел единственный вход – крепкая, судя по всему дубовая, дверь, но сказать наверняка было трудно, потому что находилась она у самой вершины башни, которая была в десять раз выше человеческого роста.

И никакой лестницы нигде не было видно.

Как раз в этот момент Обормот выбрался из мешка и убежал. Он с хорошо различимым стуком врезался лбом в дерево, приложил лапу к черепушке, совсем как старик, у которого разболелась голова, и проорал что-то вроде «Ау-у-у!». А потом вспомнил, что куда-то спешит, и вскочил.

Гальва спокойно смотрела, как он мечется и бьется о следующие деревья, постепенно скрываясь из виду, а потом бросила взгляд на меня.

– Он вернется? – спросила она.

– Пусть меня вздернут, если я знаю.

– Этот кот зачарован.

– Ты так думаешь?

– Это сарказм?

– Не-е-ет, – насмешливо проговорил я.

– Я не люблю сарказма.

– Тогда я без всякого сарказма скажу, что эта башня похожа на очень высокое надгробие.

– Ты даже не представляешь, насколько прав.

– Не думаю, что нам будут рады. Ты уверена, что тебя здесь ждут?

– Башни и не должны иметь привлекательный вид.

Все правильно.

Хрипло каркнул ворон, соскребая все яркие краски с моей души.

– Нас приглашают, – сказала Гальва и шагнула вперед.

Я двинулся за ней по пятам, и вот мы уже подошли к ведьминой башне. Если я рассчитывал отыскать искусно скрытые ступени, вырубленные в каменной стене, то меня постигло разочарование.

– И что дальше? – спросил я.

Ворон каркнул еще раз.

– Дальше мы поднимемся наверх, – ответила Гальва.

– Не знал, что у тебя талант лазить по скалам.

– Я была не права, сказав «мы».

– Ага, – сказал я и невольно оглянулся на опушку леса.

Оборот сбежал? Надеюсь, не навсегда. Я стоял в холодном тумане рядом с недовольной спантійкой, собираясь без приглашения и оплаты вскарабкаться на башню ведьмы, известной тем, что она закусала многих людей до смерти. Внезапно стало очень грустно. Только нелепый кот в моем мешке поддерживал равновесие и порядок в этом мире.

– Не переживай за *chodadu* кота, поднимайся.

Я прошелся до опушки, спрятал в кустах мешок и скрипку, потом содрал жесткие подошвы с мягких кожаных сапог с раздвоенными носами. Теперь я мог чувствовать землю под ногами и упираться в нее большими пальцами. Легкую преграду можно преодолеть и в обычных башмаках, но подъем на эту башню казался далеко не простым. Я вернулся к стене и проверил, выдержит ли стебель плюща мой вес. Он оказался надежным. Я подтянулся на нем, потом ухватился за другой стебель и, перебирая по стене ногами, проделал половину пути быстрее, чем смог бы пропеть куплет галлардийской скабресной песни. Было в этом плюще что-то неприятное, и я внутренне готовился к подвоху. Так и вышло. Все стебли вдоль стены вдруг ослабли. Я вцепился в тот, что был под рукой, надеясь, что он выдержит, но стебель, конечно же, оборвался. Пытаясь замедлить падение, я ободрал ладони и ступни о стену – даже не пытайтесь понять, как это делается, секрет строго охраняется. Потом ударился о землю, перекатился и встал на ноги, морщась от боли. Жесткий кожаный

колчан впился мне в ягодицу.

– Будь он проклят, этот сучий плющ!

– Ты можешь обойтись без него?

– Нет, если нужно забраться быстро.

– Тогда заберись медленно.

Я бросил на нее безмерно усталый взгляд, она ответила сонным взглядом убийцы, так что мне оставалось только подойти к стене и превратиться в плоское, легкое существо с крепкими пальцами. Стараясь лишний раз не прикасаться к плющу, я вставлял кончики пальцев в трещины. Холодные камни позволяли кое-как зацепиться за стену, и мне не понадобилось использовать магию. Однако я вряд ли выиграл бы гонку у решительно настроенного муравья.

На мгновение я прервал подъем.

– Что там у тебя? – спросила Гальва.

– Просто пытаюсь вспомнить, зачем я это делаю, – ответил я, ничуть не кривя душой.

Мне следовало бы сейчас забираться по стене в дом какой-нибудь богатой женщины, чтобы стащить ее золото и гоблинское серебро или наполнить кошель бусами из кешийской слоновой кости. Но тогда пришлось бы выложить все это Гильдии, а иначе у меня на щеке появилась бы татуировка кулака вместо раскрытой ладони. Или, упасите боги, розы. Нет, я бы скорее выбрал петлю на шее, чем розу на щеке.

Я посмотрел вниз. Гальва махнула рукой с истинно спантйским нетерпением и властностью. Это так разозлило ме-

ня, что я полез вверх с удвоенной яростью, а значит, и быстротой, чего спантййка, очевидно, и добивалась.

Я уже почти добрался до вершины, когда в дело вмешался плющ.

– Ох, сучий, сучий плющ! – закричал я, когда проклятые стебли накиннулись на меня.

Один из них врезал мне не хуже, чем увесистым кулаком. Я полетел вниз, но он змеей обвился вокруг лодыжки – будто бы решил меня спасти, как поначалу показалось. Но на самом деле лишь подтолкнул, мешая ухватиться за стену, чтобы смягчить приземление, как было в прошлый раз. Я свалился с такой высоты, что пришлось потратить одно из двух оставшихся у меня заклинаний против неудачного падения.

– *Kanst-ma na'haap!* – прокричал я, но даже магия слабо помогла.

Я шлепнулся, как лягушка, ушиб себе копчик, перекувырнулся через голову и кучей старого тряпья упал на живот.

Гальва протяжно произнесла спантййское слово, означавшее «привет», таким тоном, каким молодой гальт мог бы заговорить с красивой девушкой:

– *Saaaaa-la!*

Я поднял голову и в самом деле увидел симпатичную девушку, стоявшую на пороге двери и смотревшую сверху на нас. Лунной белизны лицо, каштановые волосы, но особенно бросилась в глаза длинная бледная рука на фоне дверного косяка из темного дуба. Забавно, что твое внимание не все-

гда привлекают глаза или женские прелести. Порой это просто изящный изгиб руки.

– Она говорит, что теперь ты можешь подняться.

Раскатившийся во влажном воздухе голос девушки сразил меня чистым и милым сердцу гальтским акцентом. Как гальтка попала на далекий северо-запад? Меня тут же охватила тоска по родине.

– Ты тоже ведьма? – крикнул я ей.

Она улыбнулась и подмигнула, а затем исчезла в темноте, оставив дверь открытой. В то же мгновение проклятый плющ сам собой сложился в такую удобную лестницу, что лучше и не пожелаешь. Я встал на ноги и отряхнул копчик от грязи.

Спантййка с ухмылкой поглядела на меня и приглашающе указала на лестницу из плюща. Меня так и подмывало сказать ей, в какой южный порт она может засунуть свою любезность. Пусть сама первой и поднимается. Но вместо этого я лишь улыбнулся как последний засранец и полез вверх. Хотя, ясное дело, остановился на седьмой или восьмой ступеньке, чтобы проверить, следует ли она за мной. Единственная причина, по которой я уступил ей, – это удовольствие упасть прямо на нее, если придет нужда. Мастера в Низшей школе учат использовать любую возможность не расшибиться при падении. Порой я скучаю по этим негодьям.

А иногда вспоминаю их уроки.

Мертвоножка

Дверь все еще была открыта, когда я до нее добрался, но девушка куда-то пропала. Сама дверь тоже была еще та. Дуб, притом старый. Медные петли вместо железных и медная оковка в форме кривых деревьев, голубовато-зеленая от патины. Я толчком открыл дверь. Шагнул через порог и увидел что-то вроде длинного ряда уходящих вниз уступов, а далеко внизу мерцал тусклый теплый огонек то ли лампы, то ли свечи. Волосы у меня на затылке встали дыбом.

– Ну и что там? – спросила Гальва сзади и снизу от меня.

– Похоже на ловушку. Здесь все звенит от магии.

– В ведьминой башне? Кто бы мог подумать?

– То есть ты все-таки знаешь, что такое сарказм?

– Я подумала, а почему бы не попробовать.

У дальней стены башни от самой крыши змеилась перевернутая лестница, спуститься по которой можно было только вверх ногами. Так вот что это были за уступы: основания опрокинутых вверх дном ступенек лестницы, змеящейся вниз. Я взглянул на крышу башни, неожиданно оказавшуюся ее подножием.

– Прыгай! – крикнула гальтская девушка полным веселья голосом.

Я снова посмотрел вверх-вниз, но измерить высоту никак не получалось.

Подумал, а не бросить ли медную монетку, чтобы определить расстояние по ее звону, но не смог заставить себя расстаться с ней.

– Прыгай, милый. Если бы она хотела убить тебя, то не стала бы калечить твои прекрасные ноги.

Не уверен, что мне понравилось, как это звучит, но все-таки я прыгнул, рассчитывая, если понадобится, истратить последнее смягчающее заклинание. Однако не успел даже открыть рот, как уже стоял на своих двоих. На самом верху. При этом я больно ушиб голову. Вообще-то, я легко переношу падения, но только когда падаю вниз.

– *Ноа!* – крикнула Гальва.

Я обернулся туда, где она, казалось, повисла возле двери, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Потом посмотрел на протянувшуюся к крыше (или к полу?) лестницу со свечами в нишах вдоль стены.

– Следи за первой ступенькой, – посоветовал я и хотел бы протянуть руку, но передумал и отошел назад.

Перевернутая вверх тормашками Гальва шагнула на уступ, прыгнула и, заранее зная, что ее ожидает, сделала сальто, приземлившись рядом со мной. Трудно было не понять, что она еле сдерживает усмешку.

– Тебе понравилось? – спросил я.

Она чуть заметно кивнула, но да, ей понравилось. Спан-

тийка подошла к лестнице и зашагала вверх (вниз). Я двинулся следом. Стало немного холодней, и на первой лестничной площадке я обнаружил нишу, наполненную светом. Но вместо ожидаемой свечи увидел поставленный на попа кирпич с горящим на нем пятнышком, которое оказалось осой. Угольно-черной, но точно осой, к тому же довольно крупной. Пламя не сжигало ее, она лишь слегка шипела. Огонек отражался от новенькой, хорошо отполированной медной пластины. Заинтригованный, я решил присмотреться внимательней, но тут оса повернулась ко мне, как всегда делают осы, раздумывая, ужалить врага или нет, и у меня прямо душа в пятки ушла. Я прошел мимо и принялся догонять Гальву, прыгая через ступеньку.

Поднявшись, мы оказались в комнате с земляным потолком, не уступающей размерами главному залу в имении второсортного барона. Огромный серый волк, лежавший возле очага, утробно зарычал и оскалил клыки. Мы остановились. Ладонь Гальвы легла на рукоять меча. Волк затих и поглядел в дальний конец зала, где восседала на чем-то вроде трона женщина лет пятидесяти, с жидкими седыми волосами и круглым раскормленным лицом. Она успокаивающе повела рукой, и волк положил голову на лапы, облизывая пасть.

За тронем горели два перевернутых факела, дым опускался вниз, растекаясь по кирпичному полу. Подсвечники были из такой же позеленевшей меди, как и оковка двери. Огля-

девшись, я отметил, что в зале очень мало черного или серебристого металла. Даже шляпки мебельных гвоздей были медными.

Мертвоножка вполне сошла бы за какую-нибудь дряхлую королеву, если бы не юбка, задранная самым некоролевским образом, выставляя напоказ голые босые ноги двадцатилетней женщины, за право танцевать с которой поклонники готовы были бы проткнуть друг друга насквозь. Когда мы подошли ближе, она заложила ногу за ногу, покачивая стопой так, словно отбивала ритм наших шагов.

– Кто предстал перед Гвендрой На Гэлбрет, герцогиней Бесснежного леса, хозяйкой Вывернутой башни, маршалом Рыцарей Зеленого леса и смотрителем Виселицы? – спросила все с тем же милым акцентом девушка, которую я видел у двери.

Ее пурпурно-черный язык так и плясал за губами. Она стояла слева от ведьмы, опираясь на посох из неошкуренной березы. Значит, Мертвоножка тоже гальтка? Похоже, мой народ просочился далеко на восток, и не в малом количестве, раз уж, кроме старого Голода, встреченного в тюрьме Гильдии, мне попались еще и эти две заклинательницы. Мы, чернотыкие, умеем возноситься из низов.

– Гальва Спантийская, птичья воительница, обрученная с Далгатой, слуга инфанты Мирейи.

При имени инфанты лицо старой ведьмы смягчилось. Она поменяла позу, устраиваясь поудобней, и теперь покачивала

другой ногой.

– Добро пожаловать!

Ее голос не был особенно высоким, но сильным и спокойным, как у тех пожилых людей, что оставляют попытки угодить любовникам и начинают просто заниматься своими делами. Но при этом он эхом прогудел в моей грудной клетке, словно показывая, что я перед ней – пустое место.

– Не хочешь присесть? – спросила она.

– Нет, – ответила Гальва.

– Все равно садись, ты вдоволь находилась.

Вдруг два силуэта отделились от земляной стены и побрели к нам, а потом за наши спины, а там свернулись клубком и затряслись, пока не превратились в два простых деревянных стула. Земля осыпалась с них и смешалась с той, что покрывала потолок. Нежелание сидеть на таких стульях оказалось все же на дюйм короче стремления не раздражать их создательницу, поэтому я сел, да и Гальва тоже. Откуда ни возьмись появилась пустая кожаная перчатка и подплыла к нам, держа в пальцах две керамические чаши. За ней поспешила другая – с кувшином. Ту чашу, которую взяла спантййка, наполнили темным вином, а мою – янтарным пивом.

– Как бы мне раздобыть такую же? – спросил я, кивнув на магическую перчатку.

Гальва прострелила меня взглядом, но ведьме, кажется, пришлось по душе мой порыв. Она улыбнулась, обнажив темные зубы:

– Стань моим слугой на семь лет, и если я останусь довольна твоей расторопностью, то, может быть, и отпущу тебя с такой же перчаткой и кучей других подарков.

– А если останешься недовольной?

– Тогда я превращу тебя в земляную тварь и продержу в таком виде до тех пор, пока кому-нибудь из моих гостей не понадобится сиденье.

Сказать на это мне было нечего, так что я просто улыбнулся и попробовал пиво, очень даже неплохое. А потом задумался, шутила она насчет слуги или нет.

Тут-то я и увидел ее ожерелье.

Медь и зеленый янтарь, но, если я не ошибся в своих предположениях, в центре его была вырезанная и отполированная до блеска коленная чашечка.

– Я знаю, зачем ты пришла, – сказала ведьма Гальве.

– Да.

– Мы можем поговорить о деле при нем? – Она кивнула на меня.

– Думаю, пока нет.

Я постарался не показать, что задет, но из этого явно ничего не вышло.

– Тогда продолжим вежливую беседу, пока я не решу отослать его. Откуда ты родом, мальчик?

Ее ноги сами собой поменялись местами, и пальцы снова закачались. Это показалось мне странным – слишком уж похоже на прошлый раз.

– Из Плата-Глурриса, – ответил я.

– Я слышала про это место. Между Сверкающей рекой и Косматым морем. Рядом с островом Воронов. У меня была возможность попасть туда, но не сложилось. А эта река действительно сверкает?

– На солнце, как любая река. Но людям ведь нужно чувствовать, что их родина какая-то особенная.

– Да, это правда.

– А ты откуда? – спросил я.

Заслышав шум, мы обернулись. Тот самый тыквоголовый приятель с тележкой, что загнал себя до полусмерти, поднял ее на последнюю ступень и поплелся через зал. Волк смиренно лежал у очага, безразлично наблюдая, как тыквоголовый сваливает сломанные, изогнутые в шейке инструменты на пол. Они не звякали, а издавали такой же звук, как упавшее человеческое тело. Потому что это и были человеческие тела. Инструменты исчезли, и я вдруг понял, что их никогда и не было. На кирпичный пол выпал парень с рыжими волосами на руках и ногах. Голова его, к счастью, была прикрыта капюшоном, а на шее все еще висела петля. Плод знаменитой Маэтской виселицы. Ведьмин слуга достал из заплечного мешка небольшую бронзовую пилу, стащил с трупа штаны и, стараясь не морщиться от отвращения, приложил пилу к тому месту, где нога соединялась с бедром.

– Я? – переспросила ведьма. – Я из маленькой горной долины, в месяц высокотрав окруженной цветами, а в жатвень

и винокурень – желтыми дубами и кленами. И не просто желтыми, а такими, что можно заплакать от подобной красоты. А когда их листья озаряет солнечный свет, они могут соперничать с лучшими шедеврами художников по стеклу.

Я отвел взгляд от жуткой работы тыквоголового, но вжиканье его пилы все равно пробивалось сквозь разговор.

– У ягнят, что резвятся в долине, самая мягчайшая шерсть в мире, не считая разве что отар самих богов. А козы дают молоко, которое не нужно подслащать медом.

«Вжик-вжик-вжик».

– А когда закат засияет над озером, покрытым лилиями, вода отражает эти краски так точно, что нет такой пары, что не поцеловалась бы и не решила немедленно пожениться, глядя на столь восхитительную гармонию небес и вод.

«Вжик-вжик-бум (ух-ух-ох)».

– А рыба? – продолжила она, пока мои веки все тяжелели и тяжелели.

«Вжик-вжик».

– Только поставь корзину у берега, и форель будет биться за честь первой запрыгнуть туда, а когда ты начнешь чистить рыбу, то увидишь, что у нее нет ни костей, ни внутренностей. Только нежнейшее, вкуснейшее филе, добавь масло или кляр и поджаривай.

«Вжик-вжик-вжик».

– Разве тебе не хотелось бы родиться в таком месте?

Я кивнул, уже погружаясь в глубокий сон.

«Вжик... вжик».

– Дорогая, мне кажется, он очень устал.

«Вжик-бум».

Последнее, что я увидел, засыпая, тоже можно было с легкостью принять за сон. Гвендра На Гэлбрет отделилась от юбки и ног пленительной нимфы, которые так и продолжали без ее помощи менять положение через равные промежутки времени. Словно урримадская горная обезьяна, она подтащила мускулистыми и длинными руками свое безногое тело туда, где девушка разложила отрубленные ноги повешенного. Слуга исчез, только кучка скороспелых тыкв выкатилась из-под его одежды, оставшейся на том месте, где выдохлось заклинание, которое удерживало его в человеческом облике.

– А теперь перейдем к делу, – сказала ведьма.

И я провалился в сон, в котором пил мед прямо из вымени козы и был при этом невероятно счастлив.

Ведьмочка

Очнулся я на разодранной и подпаленной подстилке, набитой соломой. Вероятно, старой попоне из тех времен, когда еще существовали лошади. Я еще не так обнищал, чтобы назвать это постелью. Передо мной вился единственный слабый огонек, и сначала мне показалось, что вокруг меня ходит ребенок со свечой, то поднимая, то опуская ее. Но когда в глазах прояснилось, я увидел таких же черных ос, как те, что освещали лестницу. Хитрая магия! В Низшей школе лампы зачаровали так, что они горели ярким, но странно холодным пламенем, чтобы уберечь от огня книги, которые мы читали. Но это было всего лишь заклинание, и лампы все равно приходилось наполнять маслом, как и любые другие. Но осы? Интересно, а они подлетят, если их позвать? За пятьдесят ударов сердца я выяснил, что они отвечают на гальтский язык и не реагируют на холтийский, но сильно обжегся, прежде чем сообразил, как же подманить одну из них.

А потом она перестала обращать на меня внимание и принялась биться о дверь, оставляя в месте касания черные дымящиеся пятна. Оса хотела наружу. Я выпустил ее, она вылетела в коридор, но выжидающе остановилась. Меня приглашали.

Вслед за осой я вышел по сужающимся земляным тоннелям к приставной лестнице, под которой находился люк. Оса колотилась в крышку, пока я не приподнял ее. Слабо вспыхнув, насекомое улетело вниз. За люком открывался долгий спуск к темно-серому небу с вкраплениями далеких светлых точек. Я отважился опустить одну ногу, потом другую и повис на вытянутых руках на нижней ступеньке лестницы, вровень с потолком из растущей вниз травы. Перевернутая белка зацокала на меня и забралась на дерево. Послышался смех, а вслед за ним долетел запах вкусной еды.

– Разожми пальцы, робкое дитя! Или ты боишься упасть на солнце? В Северном Холте его не бывает.

Я отпустил руки, но на этот раз был готов к тому, что мир перевернется, и приземлился на ноги. Гальва опять рассмеялась. Я поднял голову и увидел ее верхом на подобии лошади, сплетенном из веток. Голова кобылицы была вырезана из дерева – вроде тех, что украшают носы морских кораблей. Лошадь встала на дыбы, а выкрашенные белым глаза словно бы округлились в смертельной ярости.

Рядом, с поводьями в руках, стояла ведьма в длинной юбке, скрывающей ноги, одолженные у повешенного. Этим ногам предстояло носить ее несколько дней, пока запах не заставит ведьму сменить их на новые. Видимо, она пока не научилась останавливать гниение. Ведьма по-лягушачьи усмехнулась, увидев, как счастлива спантийка. Думаю, это было не просто счастье. Ощущения были так схожи с ездой

на настоящей лошади, что приводили Гальву одновременно в трепет и уныние. Я тоже радовался и печалился при виде полузабытой картины, которую мы когда-то считали привычной, – женщина верхом на лошади. Клянусь ушами Фотаннона, эта подделка двигалась точь-в-точь как живая! Я захотел было прикоснуться к ней, но передумал, потому что мое сердце разбилось бы, если бы я ощутил сухой тростник вместо едкого пота лошадиной шкуры.

Ведьма бросила поводья, и лошадь пустилась в галоп. Гальва то привставала на стременах перед прыжком, то пригибалась под низкими ветвями, а сидевшие на них птицы недовольно щебетали. Мне вдруг тоже захотелось оказаться на спине этого создания и мчаться во весь дух. Вот что отняли у нас гоблины – нашу скорость. Прекрасную, благородную, убийственную скорость.

Теперь с такой быстротой можно только плыть по морю или прыгать с высоты, но и то и другое часто заканчивается печально. Я возненавидел гоблинов еще тогда, когда не видел живьем ни одного из них. Возненавидел за то, что они сделали с нами, и чем бы мы им ни ответили, все казалось недостаточным, чтобы отплатить за великую пустоту в наших душах, оставшуюся на месте этого четвероногого чуда. Только когда в рот мне залетела туча мошкары, я осознал, что так и простоял все это время с открытым ртом и просто-душной детской улыбкой. Потом вытер язык рукавом, сплюнул и поднял голову как раз в то мгновение, когда Гальва,

проскакав мимо, подхватила меня за бедро и забросила на лошадь, позади себя.

С радостным смехом мы неслись по ровному полю широкими кругами, пока Мертвоножка не сказала:

– Хватит. За один час вы истратили двенадцатую часть всех чар. Возможно, даже больше, потому что твоя кольчуга, несомненно, истощает их.

Спантййка натянула поводья рукотворного существа, перешла на рысь и совсем остановилась. Мы едва успели спрыгнуть, как оно задрожало, съежилось и превратилось в ясеневую трость с маленькой лошадиной головой вместо набалдашника и рукоятью из чалой конской шкуры под ним.

– Спору нет, у спантййцев природный дар к верховой езде, – сказала Мертвоножка. – Думаю, в вас течет капля лошадиной крови.

– Вся моя кровь тоскует по ним, а это... – Гальва с восхищением посмотрела на трость. – С сотней верховых рыцарей можно было бы многое сделать. Она могла бы повернуть ход битвы.

– Да, могла бы. Сложность только в том, что она при этом еще и замотала бы до полусмерти сотню таких же сильных ведьм, как я сама. Только нас таких не сыщется и десятка во всем мире, и целый месяц моей работы даст тебе только час. Всего лишь час. Используй его с толком.

Гальва кивнула и собралась уходить, но Мертвоножка еще не закончила.

– И обращайся как подобает с моей внучатой племянницей. Ты была нам хорошим другом, но, если я о чем-то таком услышу, мы обе сильно пожалеем.

Перед тем как покинуть Бесснежный лес и Вывернутую башню, мы уселись прямо в роще за столом, покрытым белой скатертью и украшенным полевыми цветами, угощаясь ягодами, хлебами и дичью. Группа незнакомых нам людей – крестьян, судя по виду, – тоже обедала за столом ведьмы, желая ей здоровья и нахваливая повара, которого нигде не было видно. Я понятия не имел, как Мертвоножка все это приготовила, но сомневался, чтобы она пользовалась печью и сковородками. Ведьма тратила столько магии на оживление слуг и поддержание башни в этом вывернутом виде, что было бы просто чудом, если бы у нее оставались силы для битвы. Но и сама она была чудом, тут спорить не о чем.

Я задумался о том, что она могла бы бросить все это и просто отправиться на войну. Не позавидуешь тому королю и той армии, что окажутся не на ее стороне. Мертвоножка была из числа великих магов вместе с печально известным смешивателем воронов и зверей Трясошипом, Фульвиром и еще шестью или семью, равными им по силе, которые пренебрегали своей Гильдией. Рядом с ней тайные мастера из Низшей школы и их более честолюбивые сородичи из Гильдии магов показались бы мелкими портовыми жуликами. По крайней мере те, с кем мне приходилось иметь дело.

Не припомню, когда я в последний раз ел что-нибудь столь же вкусное. Помощница ведьмы, девушка по имени Норригаль, сказала, что деревья сами наловили для нас дичи – в основном кроликов, белок, голубей, а еще поймали молодого самца косули.

– Косулю трогать бы не стали, но он залаял под одним из наших деревьев, которому это не понравилось, и оно проткнуло его суком. Он был слишком тяжел, и деревья не смогли передать его нам по веткам, поэтому тыквоголовый сходил за ним, когда немного отдохнул. Но вот он лежит на столе, поперченный, посоленный, с чесночной корочкой. Харос злится, когда зря расходуют оленью плоть.

– Да уж конечно, – согласился я и тут же понял, что получилось непристойно, пусть даже я ничего такого и не хотел сказать.

Упоминание рогатого Хароса, с его постоянно напряженной оленьей плотью, навело меня на кое-какие мысли. Норригаль моргнула, но я не понял, что это означает, зато успел разглядеть татуировки на ее веках, красновато-коричневые, совсем как мои. Там были нарисованы глаза. Должно быть, девушка обладала каким-то магическим зрением: видела на большом расстоянии или в темноте либо различала, когда человек лжет. Еще одна причина чувствовать неловкость в ее присутствии, как будто их и без того было мало. Что бы я ни сказал Норригаль, все звучало не так, как мне хотелось. Если для меня ее образом была безупречно белая рука на

фоне темной двери, то я ей представлялся в виде собаки, задравшей лапу перед кустиком. По крайней мере, мне так казалось, когда я разговаривал с ней. Что ж, может, в моих словах и было что-то непристойное, но это она первой вспомнила Хароса.

– Все равно косули лают отвратительно, словно два старика ругаются, – сказал я, пытаюсь увести разговор подальше от Хароса.

После пира Мертвоножка подошла ко мне. Я уже ощущал запах от ее отнятых у повешенного ног. При такой скорости гниения ведьма проходит на них еще день-другой, но никак не больше, чем бы она их ни натирала. Использовать ноги мертвецов было не очень практично, зато это внушало благоговейный страх, чего ведьма и добивалась. Те крестьяне, которых кормила Мертвоножка, видели в ней чуть ли не полубога, и не готов поручиться, что они ошибались.

Ведьма заглянула мне в глаза и вручила острый кривой нож с костяной рукоятью и гравировкой из золотых рун на медном лезвии. Руны обещали послать попавшую на них кровь прямо к богам. Заметив, что я рассматриваю их, Мертвоножка спросила:

– Ты веришь в это?

Руны были на старогальтском, и мне не полагалось их знать. Я прикусил язык и не ответил.

– Думаешь, я не знаю, кто ты такой? – сказала ведьма. – У тебя же дар к чтению. Вот и скажи мне, веришь ли ты в

жертву богам?

– Верю.

Норригаль встала рядом с нами.

– Тогда пожертвуй что-нибудь Солграннону, – предложила Мертвоножка.

Волк Солграннон – Окровавленная Морда был гальтским богом войны и мужества. Я огляделся и заметил среди деревьев статуи богов, даже лиса Фотаннона. Как только я увидел алтарный камень с деревянной фигуркой волка возле него, ведьма взяла меня за плечи не по возрасту сильными руками и подтолкнула к нему:

– Тебе нужно научиться кое-чему такому, что я не смогу объяснить на словах.

Ведьма подняла вверх большой палец, и молодая крольчиха сама прыгнула из травы в ее руку. Мертвоножка взяла ее за задние лапы, подняла над камнем и оглянулась на меня.

– Научиться? – повторил я. – Мне уже приходилось убивать кроликов.

– Придержи язык. Думай о волке и отдай эту крольчиху Солграннону, чтобы уберечься от будущих неприятностей. Я знаю, что ты готов служить Повелителю лис за хрен с маслом, но думаю, что он и так доволен тобой. Для битвы и добычи тебе нужен волк с окровавленной мордой.

Я не настолько чувствителен и раним, чтобы не убить животное ради еды или магии, но все же задержал руку и посмотрел на крольчиху. Она казалась разумней, чем должна

была быть. И тут она ударила передней лапой по руке с ножом. Я открыл рот от удивления, но крольчиха стукнула еще раз. Она сама хотела, чтобы ее зарезали.

– Кинч На Шаннак, – сказала ведьма, – обрати свои мысли к Солграннону и перережь горло сладостной жертве, пока нас не постигла беда.

Я так и сделал.

Ведьма ухватила за лапы крольчихи, я взял ее за уши, растянул и перерезал ей горло. Жертву положили на алтарь, она билась в агонии, истекая кровью, а дальше случилось вот что: зверек задергался все сильнее и сильнее, потом вдруг обернулся волком, большим серым волком, который лежал возле очага.

Он по-собачьи встряхнул шерстью и лизнул меня в лоб длинным, теплым языком, да так, что, клянусь, едва не сбил с ног.

– Да пребудет с тобой благословение Солграннона, – объявила Мертвоножка. – Ибо я склонна думать, что оно тебе понадобится.

С этими словами она вымазала кровью сначала мой лоб, затем свой, а заодно и Норригаль.

После жертвоприношения Гальва вернулась к нам. Мы вчетвером шли и разговаривали, и я был рад такой компании. Оказалось, что Норригаль отправится вместе с нами на запад. Не знаю, что Гальве предстояло сделать в землях ве-

ликанов, но обе ведьмы ее полностью поддерживали. Когда старшая повернулась ко мне, ноги повешенного подвели ее, и она пошатнулась.

– Я заглянула тебе в голову, – сказала Мертвоножка, – и теперь мне совершенно ясно, что Гильдия не вполне доверяет тебе в том деле, которое ты должен провернуть в Аустриеме.

– Это правда.

Через тропинку перед нами проскакал кролик. У меня не возникло ни капли сомнения, что он и был той самой жертвой, которую я принес. Так я понял кое-что важное об этом заклинании.

– Еще я узнала, что ты по-своему предан моей спантийской подруге. Сделай все возможное, чтобы она оставалась в безопасности, пока будет отвечать тебе тем же.

Я кивнул, немного обеспокоенный. Что еще она увидела? Может быть, что-то намекнуло ей, как сильно я увлечен Норригаль?

– Больше чем просто намекнуло, – подмигнув, ответила она, хотя я не задавал вопроса. – Но это уже ее дело.

– Эй! – возмутился я. – Гостеприимные хозяева не копаются в чужих мыслях.

– Так было нужно.

– Ну хорошо, ты выяснила все, что хотела, а теперь убирайся отсюда.

– Попробуй выгнать меня.

– Справедливо замечено.

– Просто запомни, Кинч На Шаннак: хотя у меня и нет ног, чтобы пойти с тобой, мои руки все равно до тебя дотянутся. Твоя Гильдия хуже, чем ты думаешь. Это та вода, что вращает колесо мельницы. Вот почему мы, открывающие глубинные потоки магии, живем в глуши. Мы не склоняемся перед ними, и не склонимся никогда. Гильдия магов – просто засранцы с напудренными лицами, много дыма, но мало огня. Все они доносят на тех, кто смешивает кости и суставы, кто заставляет двигаться каменных людей. Их Гильдия – как и твои воры и убийцы – сборище вымогателей, думающих лишь о том, чтобы загнать молодых парней и девушек в должники. О да, у них есть парочка сильных магов, но это мимолетная сила. Любой из них не годится даже на то, чтобы стать моей суповой ложкой.

Я открыл рот и снова закрыл. Давно подозревал, что Гильдией магов управляет Гильдия Берущих. Но если наши старшие мастера держат магов на поводке, то и остальных тоже? Может быть, подростки-сороходы в желтых одеждах и женщины-красильщицы с черными руками тоже подчиняются моей любимой и ненавистой Гильдии? Если так, то размеры их могущества просто ошеломляют.

– А что насчет тебя?.. – Истинная ведьма уставилась на меня обжигающе холодным взглядом. – Думаю, они еще примериваются к тебе. Еще не держат так крепко, как им кажется. Они не все раскрыли в тебе, далеко не все, и я надеюсь,

что ты оставишь Гильдию и станешь для них занозой в заднице. Но не соверши ошибки; если придет время, когда дела Гильдии заставят тебя пойти против этих двух женщин, я расправлюсь с тобой так, как будто мы никогда не были знакомы.

– Если наши дороги разойдутся, я пойду по своей с миром и дружбой.

– Я верю, что ты так и сделаешь... если сможешь. Итак, «чтоб голову сберечь в пути, мое благословенье прихвати».

Я смутно догадывался, что последняя фраза была из поэмы одного древнего брайсийского барда, но не мог вспомнить, из какой именно и все ли там кончилось хорошо.

Обычно кончалось плохо.

Углежоги

Мешок за спиной у Норригаль был чуть ли не в половину ее роста, но она не жаловалась. Дорога шла мимо поросли молодых деревьев, рядом со многими из них были воткнуты старые бронзовые мечи, позеленевшие там, где они соприкасались с землей.

Поначалу я решил, что оставленные без присмотра мечи, пусть даже и старые, сами напрашиваются, чтобы их украли. Тем более что жителям этих скудных земель приходилось защищать свои овчарни с топорами и вилами. Но потом вспомнил крестьян за столом и сообразил, что ведьма в здешних краях – все равно что герцогиня или графиня. Властительница с холма, королева из Вывернутой башни. Люди хорошо знали ее, кто-то любил и побаивался, кто-то наверняка ненавидел и страшился, но ни один не посмел бы стащить меч из леса, как жители Кадота никогда не решатся выковырять золотую монету из вывески Гильдии Берущих. Есть вещи хуже и неотвратимее земного правосудия.

– Это надгробия? – спросил я у Норригаль.

– Может быть. Но не для мертвых.

В последнее время волосы у меня на затылке постоянно вставали дыбом, так что я перестал это замечать. Сильная,

очень сильная магия. В жизни не сталкивался ни с чем похожим.

Гальва молчала всю дорогу. Я решил, что это как-то связано с девушкой. Спантийцы одними из последних признали право женщин иметь собственность и пользоваться оружием. Они не желали ни с кем делиться, эти храбрые объездчики лошадей, владевшие виноградниками на гордых бурых холмах и теми, кто их возделывал. Но когда лошадей не осталось, а битвы превратились в резню, остался только один способ остановить Орду гоблинов на пути к столице – разводиться корвидов и научить своих дочерей обращаться с мечом.

Сверстницам Гальвы было непросто доказать свою состоятельность сначала мастерам меча, потом седобородым хозяевам табунов и, наконец, кусачим в болотах Галлардии. А теперь эта двадцатилетняя девушка считала, что имеет полное право пойти с нами в поход, тащить мешок в половину себя самой, шагая так быстро и упорно, что мы едва поспевали за ней. От Норригаль прямо разило уверенностью и тайной. Не сказал бы, что она не нравилась Гальве, но, подозреваю, спантийка не вполне понимала, что с ней делать и как разговаривать, и потому хранила молчание.

Ясно было, что в Норригаль кроется больше, чем видно глазу, но то же самое можно сказать и про нас. Зная возможности лошадиной трости Гальвы, я невольно задумывался, на что способна березовая щепка, которую носила с собой

Норригаль. Но вряд ли она открыла бы мне эту тайну после такого короткого знакомства.

Мы были просто тихой компанией, бредущей по знаменитой воловьей тропе, которую называют Лососевой дорогой. Сначала она шла через холодные сосновые леса и немногочисленные рыбачьи деревушки, чьи обитатели ловили знатных лососей. Потом соединилась с ответвлением Белого тракта, ведущим к Пигденею, крупному торговому порту в северо-западном углу Холта.

Трупы мы обнаружили ближе к концу первого дня пути.

Указатель на обочине предупредил о приближении к деревне, поэтому мы свернули с дороги и нашли местечко возле реки, чтобы заночевать и, может быть, наловить рыбы поутру. Из зарослей неподалеку от будущей стоянки валил дым, и Гальва послала меня взглянуть на наших соседей. Я двигался тихо и размеренно, держась в глубокой тени, но оказалось, что играть в прятки не с кем.

Мальчик и две женщины у костра уже не слышали ничего, кроме свирели Самнайра На Гурта, бога, сопровождающего души людей в Холодный лес. Мальчишке свернули шею, а женщины поцеловались с мечом или топором. Это было жуткое зрелище. Костер, за которым они присматривали, оказался угольной кучей. Убитые занимались скучной, утомительной работой – следили за тем, как тлеют угли, а это могло затянуться на несколько дней. Куча была ростом с меня

и все еще изрядно дымила. Маленький костер рядом тоже слегка чадил, но он угас больше часа назад. Из перевернутого котелка пахло куриным супом с грибами. Одна из женщин сжимала в руке старую посеревшую деревянную миску. Рядом с ее ногой лежал испачканный в грязи кусок хлеба.

Они как раз собирались поужинать, но их убили из-за еды. И это в лесу, где полно дичи, рыбы и ягод!

Рядом с мальчишкой-углежогом я заметил мешанину следов, среди которых попадались и огромные, длиной с мою руку. Я привел остальных, чтобы они тоже на это посмотрели, а потом спросил Гальву:

– Ты думаешь о том же, о чем и я?

Она выставила вперед два пальца, изображая рога.

Да, она думала о том же.

– О чем именно? – поинтересовалась Норригаль.

Я рассказал ей о баронессе верхом на кобыле с сотней копейщиц под ее началом и о том, на кого они охотились.

– Рогач, – повторила Норригаль названное мною имя. – Мне кажется, за его поимку должны дать немалую награду.

– Есть за что, – ответил я, глядя на мальчика, которому свернули шею с такой легкостью, как будто это был не человек, а малиновка.

– А если это сделал он? – сказала Гальва.

Я представил себе большой мешок со звонкой монетой, который мы могли бы получить за голову смешанника, а затем спросил совета у своего везения. Сердце как будто омы-

ло теплой водой. Обычно я не рвусь биться с чудовищами, а также их слугами. Но эти убивали мирных людей, и я почти ощущал блеск золотых «королев» и серебряных «рыцарей» на своей ладони. Эти деньги не уйдут Гильдии, ведь я заплатил им, взявшись за поручение. Моя доля от награды останется при мне. Несколько таких удачных дел – и я смогу построить себе дом на скале и наполнить его книгами и деньгами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.